

№ 675. 10 к.

УНИВЕРСАЛЬНАЯ БИБЛІОТЕКА

Маржеретъ

Состояніе Россійской Державы и Великаго Княжества Московскаго въ 1606 году

Переводъ съ французскаго
со вступительной статьей
И. Н. Бороздина.

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО
„ПОЛЬЗА"
В. АНТИКЪ и К°.
МОСКВА.

Универсальная библіотека.—Цѣна номера 10 коп.

Отдѣлъ русской литературы.

1. **Толстой.** Смерть Ивана Ильича. Хозяинъ и работникъ.
2. **Толстой.** Крейцерова соната.
3. **Толстой.** Власть тьмы.
4. **Толстой.** Плоды просвѣщенія.
5. **Толстой.** Корней Васильевъ и др.
6-507. **Къ волѣ.** Крѣпостное право въ народной поэзіи. Сборникъ. Составилъ **Н. Л. Бродскій.**
8-509. **Рабство и воля.** Крѣпостное право и крестьянскій бытъ въ русской литерат. Сборникъ. Составили **И. Розановъ и Н. Сидоровъ.**
10. **Толстой.** Ходите въ свѣтѣ, пока есть свѣтъ и др. разсказы.
11. **Толстой.** Первый винокуръ и др.
12. **Гоголь.** Вечера на хуторѣ близъ Диканьки. Ч. I.
13. **Гоголь.** Вечера на хуторѣ близъ Диканьки. Ч. II.
14. **Карамзинъ.** Бѣдная Лиза, Наталья боярская дочь, Мареа Посадница.
15-516. **Аксаковъ.** Семейная хроника.
17. **Толстой.** Чѣмъ люди живы и др.
18. **Пушкинъ.** Капитанская дочка. Исторія села Горюхина.
519. **Пушкинъ.** Повѣсти Бѣлкина. Дубровскій.
520. **Пушкинъ.** Пиковая дама. Арапъ Петра В. Египетскія ночи. Отрывки.
521-524. **Толстой.** Воскресеніе.
525-526. **Бѣлинскій.** Статьи о Пушкинѣ. I—IV.
527-529. **Бѣлинскій.** Статьи о Пушкинѣ. V—XI.
530-531. **Лермонтовъ.** Кн. Лиговская. Герой нашего времени.
532. **Лермонтовъ.** Вадимъ.
533. **Толстой.** Три смерти. Поликушка.
534-536. **Аксаковъ.** Дѣтскіе годы Багрова-внука.
537. **Воейковъ.** Домъ сумасшедшихъ.
538. **Фонвизинъ.** Бригадиръ. Недоросль.
539. **Гоголь.** Миргородъ. Ч. I.
540. **Гоголь.** Миргородъ. Ч. II.
541-543. **Квитка-Основъяненко.** Панъ Халявскій.
544-545. **Аксаковъ.** Воспоминанія.
546. **Толстой.** Для дѣтей. Кн. I. Кавказскій плѣнникъ и др.
547. **Толстой.** Для дѣтей. Кн. II. Басни, былины и др.
548. **Сологубъ.** Отрокъ Линъ и др.
549. **Толстой.** Живой трупъ и др.
550. **Сологубъ.** Маленькій человѣкъ.
551. **Никитинъ.** Дневн. семинариста.
552. **Никитинъ.** Кулакъ.
553. **Никитинъ.** Избранныя стихотворенія и біографія.
554. **Гоголь.** Портретъ. Носъ. Шинель.
555. **Гоголь.** Невскій проспектъ. Записки сумасшедшаго. Римъ. Жизнь
556-557. **Добролюбовъ.** Темное царство.
558. **Добролюбовъ.** Что такое Обломовщина? Когда же придетъ настоящій день?
559. **Думы и пѣсни.** Сборникъ стихотвореній новыхъ поэтовъ. Составила **Анс. Чеботаревская**
560-561. **Никитинъ.** Стихотворені[illegible]
562-563. **Ломоносовъ.** Избранны[illegible] сочиненія и біографія.
564. **Добролюбовъ.** Лучъ свѣта [illegible] темномъ царствѣ.
565-567. **Загоскинъ.** Рославлевъ.
568-569. **Погорѣльскій.** Монастырк[illegible]
570. **Жуковскій.** Наль и Дамаян[illegible]
571. **Жуковскій.** Рустемъ и Зораб[illegible]
572. **Слово о полку Игоревѣ.**
573. **Маркъ Криницкій.** Пошлос[illegible] и др. разсказы.
574. **Пѣсни каторги.** Собр. В. Га[illegible]тевельдъ.
575-577. **Нарѣжный.** Бурсакъ.
578. **Богдановичъ.** Душенька.
579. **Лѣнскій.** Левъ Гурычъ Синкинъ.
580. **Мей.** Царская невѣста.
581. **Мей.** Псковитянка.
582-583. **Отечественная война** [illegible] **русской поэзіи.** Состав[illegible] **Н. Бродскій и Н. Сидоров[illegible]**
584. **Гусевъ-Оренбургскій.** Ка[illegible]танъ Кукъ и др. разсказы.
585. **Ковальскій.** Жизнь—мгнов[illegible] и др. разсказы.
586. **Сологубъ.** Опечаленная не[illegible]ста и др.
587. **Толстой.** Отецъ Сергій. Дьяв[illegible]
588-589. **Комическая опера X**[illegible] **вѣка:** Аблесимовъ, Княжни[illegible] Плавильщиковъ.
590. **Андреевъ.** Разсказъ о с[illegible] повѣшенныхъ.

МАРЖЕРЕТЪ

Состоянiе Россiйской Державы и Великаго Княжества Московскаго въ 1606 году.

Переводъ съ французскаго
со вступительной статьей

И. Н. БОРОЗДИНА.

МОСКВА.
Книгоиздательство „ПОЛЬЗА"
В. Антикъ и К°.

Маржеретъ и его сочиненіе о Россіи.

Сочиненіе капитана Маржерета «Состояніе Россійской Державы и Великаго Княжества Московскаго» является одним изъ наиболѣе любопытныхъ иностранныхъ источниковъ, трактующихъ о Россіи въ началѣ XVII в. и о событіяхъ смутнаго времени. Маржеретъ былъ интересующимся и наблюдательнымъ человѣкомъ и, кромѣ того самъ принималъ близкое и непосрдственное участіе въ событіяхъ, имъ описываемыхъ; и потому свидѣтельства его представляютъ немалое значеніе, особенно много цѣннаго даетъ сочиненіе Маржерета для исторіи перваго Лжедимитрія и воцаренія Василія Шуйскаго. Но на ряду съ описаніемъ историческихъ событій начальнаго періода Смуты нашъ авторъ даетъ весьма занимательный общій очеркъ русской жизни того времени, государственнаго и общественнаго строя, нравовъ и обычаевъ. И здѣсь разсказъ его представляетъ существенный интересъ и значеніе. Хотя у насъ имѣются и болѣе обстоятельныя описанія Россіи, сдѣланныя иностранными путешественниками до и послѣ Маржерета (Герберштейномъ, Флетчеромъ, Олеаріемъ и др.), однако свидѣтельства наблюдатель-

наго француза нисколько не теряютъ отъ сравненія съ ними, а часто даютъ и новый фактическій матеріалъ. Такъ, напримѣръ, особенно слѣдуетъ отмѣтить свѣдѣнія, сообщаемыя Маржеретомъ относительно военно-боевой и финансовой организаціи Московскаго государства. Немудрено поэтому, что нерѣдкія ссылки на сочиненіе Маржерета мы встрѣчаемъ и въ классическомъ трудѣ проф. Платонова «Очерки по исторіи Смуты въ Московскомъ государствѣ XVI—XVII вв.» и въ извѣстной работѣ проф. Ключевскаго «Сказанія иностранцевъ о Московскомъ государствѣ».

Самъ Маржеретъ представляетъ интересную и стильную фигуру своего времени. Это неутомимый воинъ, удалой искатель приключеній, вѣрнѣе, искатель подвиговъ и боевыхъ утѣхъ. Мирная, спокойная жизнь была не по немъ; военная слава, военныя авантюры въ далекихъ странахъ влекли и манили его. У себя на родинѣ онъ чувствуетъ себя въ своей сферѣ только тогда, когда идетъ ожесточенная борьба между католиками и гугенотами, между Лигой и Генрихомъ Бурбономъ. Маржеретъ сражается подъ знаменами послѣдняго, онъ ревностный сторонникъ и горячій поклонникъ великодушнаго и храбраго короля. Но когда междоусобія кончились, и жизнь стала входить въ свою колею, Маржерета потянуло за предѣлы отечества. И вотъ, подобно итальянскому кондотьеру или испанскому конквистадору, онъ начинаетъ свои «годы странствій», сражается съ турками, служитъ то князю Трансильванскому,

то королямъ Венгерскому и Польскому. Наконецъ, въ 1600 году Маржеретъ получаетъ приглашеніе отъ русскаго посланника Власьева поступить на службу въ Россію. Борисъ Годуновъ поручаетъ ему начальство надъ отрядомъ всадниковъ. Въ битвѣ при Добрыничахъ (20 января 1605 года) Маржеретъ проявилъ выдающуюся храбрость и много способствовалъ побѣдѣ русскихъ надъ Лжедимитріемъ. По смерти Годунова и воцаренія названнаго Димитрія Маржеретъ сталъ начальникомъ стражи новаго государя и пользовался его близкимъ расположеніемъ. Заговоръ бояръ, убійство Димитрія и вступленіе на престолъ Василія Шуйскаго, видимо, неблагопріятно подѣйствовали на Маржерета и, пробывъ недолго на службѣ у Шуйскаго, онъ въ концѣ 1606 года возвращается во Францію. Здѣсь онъ повѣдалъ о своихъ русскихъ приключеніяхъ Генриху IV, здѣсь же онъ написалъ и свое сочиненіе о Россіи.

Но покой и тишина были созданы не для Маржерета. Не усидѣвъ на родинѣ, онъ вскорѣ снова возвращается въ Россію. Здѣсь онъ попадаетъ въ разгаръ смуты, въ самый острый періодъ «великой разрухи». Сначала Маржеретъ служитъ въ Тушинѣ, а затѣмъ переходитъ къ полякамъ. Подъ начальствомъ гетмана Жолкѣвскаго онъ участвуетъ въ битвѣ при Клушинѣ, гдѣ былъ разбитъ наголову царскій воевода князь Дмитрій Шуйскій. Съ поляками Маржеретъ вступаетъ въ Москву; здѣсь онъ особенно отличается въ отраже-

нія кн. Пожарскаго и возставшихъ москвичей. Въ концѣ 1611 года Маржеретъ удаляется въ Польшу, гдѣ за заслуги получаетъ право присутствія въ Королевскомъ Совѣтѣ. Но и здѣсь Маржеретъ не успокоился. Въ маѣ мѣсяцѣ 1612 года онъ изъ Гамбурга проситъ у нашихъ бояръ позволенія вступить на русскую службу. Это прошеніе осталось безъ отвѣта. Черезъ нѣсколько времени Маржеретъ вѣстѣ съ другими иностранцами—Фрейгеромъ, Эстономъ, Гилемъ—снова предлагаетъ свои услуги. На это въ августѣ 1612 года кн. Пожарскій, глава земскаго ополченія, отвѣчаетъ длиннымъ посланіемъ, въ которомъ отказывается отъ услугъ иностранцевъ, указывая, что въ данное время надобности въ нихъ нѣтъ. Любопытно, что къ Маржерету здѣсь проявлено самое отрицательное отношеніе. Обращаясь къ другимъ иностранцамъ, Пожарскій выражаетъ удивленіе, что они «о томъ дѣлѣ въ совѣтѣ съ францужениномъ съ Яковомъ Мержеретомъ, а Якова Мержерета мы всѣ Московскаго Государства бояре и воеводы знаемъ достаточно и вѣдаемъ про него подлинно». Выписавъ далѣе всѣ вины Маржерета, его службу врагамъ Россіи, кн. Пожарскій подозрѣваетъ въ немъ польскаго агента: «И мы тому удивляемся: такое Яковъ Московскому Государству зло учинилъ, съ Польскими и съ Литовскими людьми кровь крестьянскую проливалъ, да и злѣе Польскихъ и Литовскихъ чинилъ, и у короля зато жалованье получилъ, въ Радѣ его король учи-

нилъ; а нынѣ бъ ему намъ противъ Польскихъ и Литовскихъ людей помогати! И намъ ся мнитъ, что Яковъ хочетъ въ Московское Государство быти, по умышленію Польскаго короля и Польскихъ и Литовскихъ людей, чтобъ ему зло которое, по умышленью Польскаго Жигимонта короля и пановъ радъ, Московскому Государству учинити...» Нельзя не согласиться съ проф. Устряловымъ, который считаетъ неосновательными эти подозрѣнія бояръ; другія данныя (между прочимъ, письмо Маржерета къ англичанину Мерику) свидѣтельствуетъ о симпатіи Маржерета къ Россіи въ эту тяжелую годину испытаній и о желаніи ей послужить. Этой неудачной попыткой французскаго капитана еще разъ попасть на русскую службу и прекращаются наши свѣдѣнія о немъ. Гдѣ закончилъ онъ свою бурную и мятежную жизнь, въ лихой ли битвѣ съ случайнымъ врагомъ или у себя на родинѣ, въ патріархальномъ и идиллическомъ Оксоннѣ,—мы не знаемъ. Неизвѣстенъ и годъ его смерти.

Изъ сказаннаго уже видно, что Маржеретъ не былъ писателемъ-профессіоналомъ—это былъ воинъ, умѣвшій лучше управлять шпагой, нежели перомъ. Но его природная наблюдательность и живое воображеніе даютъ ему возможность недюжинно проявить себя и на новомъ, не совсѣмъ свойственномъ ему поприщѣ. Сочиненіе Маржерета до сихъ поръ читается съ неослабѣвающемъ интересомъ. Написано оно

было, какъ сказано, послѣ его перваго пребыванія въ Россіи. Первое изданіе книги вышло въ Парижѣ въ 1607 г. подъ длиннымъ и нѣсколько вычурнымъ заглавіемъ: „Estat de l'Empire de Russie et Grand Duché de Moscovie. Avec ce qui s'y est passé de plus memorable et Tragique, pendant le regne de quatre Empereurs: à savoir depuis l'an 1590 jusques en l'an 1606. en Septembre. Par le Capitaine Margeret *)". Второе изданіе появилось въ 1669 г., третье (точная копія съ изданія 1669 г.)—въ 1821 г., четвертое—(H. Chevreul) съ біографическими и библіографическими свѣдѣніями—въ 1855 г.; на русскій языкъ сочиненіе Маржерета переведено было проф. Устряловымъ.

Маржеретъ, въ общемъ, довольно правдиво передаетъ событія русской исторіи и русской жизни, хотя, конечно, очень многое непонятно и недоступно иностранцу. Маржеретъ съ извѣстной гордостью заявляетъ, что онъ выучился русскому языку, и нерѣдко щеголяетъ въ своемъ сочиненіи цѣлымъ рядомъ русскихъ фразъ и выраженій; но можно сильно сомнѣваться въ основательности этого знанія. Маржеретъ вообще любитъ подчеркнуть и поставить на видъ свою полную освѣдомленность въ томъ или другомъ вопросѣ, что далеко не всегда бываетъ удачно.

*) Состояніе Россійской Державы и Великаго Княжества Московскаго. Съ описаніемъ того, что произошло тамъ наиболѣе примѣчательнаго и трагическаго во время царствованія четырехъ царей: т. е. отъ 1590 года до сентября 1606 года. Капитана Мержарета.

Такъ, напримѣръ, прямо курьезна его ссылка на русскія лѣтописи, когда онъ Рюрика производитъ въ великіе князья Владимірскіе, а Максимиліана I, умершаго за 10 съ лишкомъ лѣтъ до рожденія Ивана Грознаго, заставляетъ даровать этому последнему императорскій титулъ послѣ завоеванія Казани, Астрахани и Сибири. Но по сравненію съ нѣкоторыми другими иностранцами у Маржерета особенно грубыхъ ошибокъ не встрѣчается. Отмѣтимъ лишь нѣкоторыя наиболѣе сомнительныя мѣста. Въ самомъ же началѣ сочиненія, въ посвященіи Маржеретъ упоминаетъ о скиѳахъ; здѣсь, надо думать, нашъ авторъ хотѣлъ сказать или вообще о варварахъ или о татарахъ (далѣе говорится о «другихъ магометанскихъ народахъ». Очень страннымъ на первый взглядъ и фантастическимъ представляетъ описаніе какихъ-то диковинныхъ животныхъ-растеній въ окрестностяхъ Астрахани. Но легенда объ этихъ «баранахъ» или «баранцахъ» (Boranetz) встрѣчается не только у Маржерета; большинство иностранцевъ, посѣщавшихъ Россію (Герберштейнъ, Олеарій, Рейтенфельсъ, Стрейсъ и др.), говорятъ о нихъ. Можно думать, что поводомъ къ созданію этихъ фантастическихъ животныхъ-растеній послужило паразитное растеніе «заразиха» (Orobanche), родственное львиному зѣву и какъ разъ распространенное въ этихъ мѣстахъ *). Растеніе это на длинномъ, тянущемся отъ земли стеблѣ въ цвѣтеніи своемъ напоминаетъ

---

*) Этими указаніями мы обязаны С. Г. Григорьеву.

курчавую шерсть. Путешественники, пользуясь матеріаломъ изъ десятыхъ рукъ, и превратили это паразитное растеніе въ небывалое явленіе природы. Изъ фактическихъ неточностей отмѣтимъ смѣшеніе двухъ Симеоновъ—Казанскаго и Касимовскаго, неправильное пріурочепіе основанія патріаршества ко времени Ивана IV и нѣкоторую путанность въ изложеніи событій послѣ воцаренія Шуйскаго. Но въ то же время для этихъ событій свидѣтельство Маржерета имѣетъ первостепенное значеніе *).

Въ заключеніе нельзя не отмѣтить, что сочиненіе Маржерета являлось и является однимъ изъ главныхъ источниковъ для исторіи названнаго Димитрія. Самъ Маржеретъ былъ твердо увѣренъ, что это былъ истинный царевичъ, и постарался для доказательства этого событія собрать всѣ возможныя данныя. И до сихъ поръ пока исторической наукой не рѣшенъ вопросъ о личности названнаго Димитрія, свѣдѣнія, сообщаемыя французскимъ капитаномъ представляютъ выдающійся интересъ.

И. Бороздинъ.

*) См. Платоновъ. Очерки по исторіи Смуты С. Петербур. 1910, стр. 292—293.

ЕГО ВЕЛИЧЕСТВУ

КОРОЛЮ ФРАНЦІИ.

Государь!

Если бы подданные Вашего Величества, посѣщая отдаленныя земли, описывали правдиво то, что они видѣли и наблюдали замѣчательнаго, то не только они сами извлекли бы выгоду, но могли бы и Вашему Государству принести пользу; они указали бы, чего должно искать, что можно заимствовать у другихъ народовъ.—ибо для успѣховъ общежитія все въ этомъ мірѣ такъ устроено, что мы находимъ у другихъ то, чего сами не имѣемъ. При томъ же извѣстія этихъ наблюдателей внушали бы желаніе многимъ юношамъ—празднымъ домосѣдамъ—посмотрѣть на бѣлый свѣтъ; въ трудныхъ, но благородныхъ странствованіяхъ, или среди иноземныхъ воинствъ, они познали бы доблесть: тогда разсѣялось бы и заблужденіе многихъ, которые предѣлами христіанства полагаютъ Венгрію. Я могу увѣрить, что Россія, описанная мною по приказанію Вашего Величества, въ настоящемъ сочиненіи, служитъ христіанству твердымъ оплотомъ. что она гораздо обширнѣе, сильнѣе. многолюднѣе, обильнѣе, имѣетъ гораздо болѣе средствъ для отраженія скифовъ и другихъ магометанскихъ народовъ, чѣмъ многіе предполагаютъ. Царь властвуетъ неограниченно, и страхъ, и уваженіе къ нему заставляютъ подданныхъ безпрекословно подчиняться его волѣ;

порядкомъ же и внутреннимъ устройствомъ онъ ограждаетъ свои земли отъ безпрерывнаго нападенія варваровъ.

Государь! Когда побѣдами и счастьемъ Вы даровали Франціи то спокойствіе, которымъ она теперь наслаждается, я увидѣлъ, что моя ревность къ службѣ не принесетъ пользы ни Вашему Величеству, ни моему отечеству,—ревность, доказанная мною во время междоусобій, подъ знаменами Де-Вогренана, при С. Жанъ-Де-Лонъ и въ другихъ мѣстахъ герцогства Бургундскаго; поэтому я удалился изъ отечества и служилъ сперва князьямъ Трансильванскимъ, потомъ Императору въ Венгріи, затѣмъ королю Польскому въ званіи капитана пѣхотной роты: наконецъ, судьба привела меня къ русскому царю Борису, я былъ удостоенъ имъ чести начальствовать кавалерійскимъ отрядомъ; по смерти же его Димитрій вступивъ въ царство, поручилъ мнѣ начальствованіе первой ротой своихъ тѣлохранителей. За это время я имѣлъ возможность научиться русскому языку и собрать много свѣдѣній о законахъ, правахъ и религіи этой страны: все это описываю въ настоящемъ небольшомъ сочиненіи съ такою простотою и откровенностью, что не только Вы, Государь, при удивительно ясномъ и проницательномъ умѣ Вашемъ, но и всякій увидитъ въ немъ одну истину, которая, по словамъ древнихъ, душа и жизнь исторіи.

Вниманіе Вашего Величества къ моимъ изустнымъ донесеніямъ подаетъ мнѣ надежду, что эта книга принесетъ Вамъ нѣкоторое удовольствіе: вотъ единственное мое желаніе. Въ ней Вы найдете извѣстія о событіяхъ, весьма замѣ-

чательныхъ, отчасти поучительныхъ для великихъ монарховъ; самая участь несчастнаго государя моего, Димитрія, можетъ служить для нихъ урокомъ: разрушивъ неодолимыя преграды къ своему престолу, онъ возвысился и палъ скорѣе, нежели въ два года; но этого не довольно: его называютъ еще обманщикомъ. Точно также вы увидите многія подробности о Россіи, достойныя вниманія и совершенно до сихъ поръ неизвѣстныя, какъ по отдаленности этой державы, такъ и по искусству русскихъ скрывать и замалчивать дѣла своего государства.

Молю Бога даровать Вашему Величеству благоденствіе, Вашей державѣ—миръ, наслѣднику—желаніе подражать Вашимъ добродѣтелямъ, мнѣ же — неизмѣнную всегда постоянную ревность дѣлами своими оправдать имя,

Государь,

всепокорнѣйшаго подданнаго, вѣрнѣйшаго и преданнѣйшаго слуги Вашего Величества

Маржерета.

СОСТОЯНІЕ РОССІЙСКОЙ ДЕРЖАВЫ И ВЕЛИКАГО КНЯЖЕСТВА МОСКОВСКАГО 1606.

Россія—весьма обширная страна, покрытая даже въ областяхъ наиболѣе обитаемыхъ дремучими лѣсами, а со стороны Литвы и Ливоніи пространными болотами, являющимися какъ бы ея оградой. Она довольно густо заселена отъ Нарвы, крѣпости и морской пристани на границахъ Ливонскихъ, принадлежащей королевству Шведскому, до Архангельска или св. Николая, другого города въ разстояніи отъ Нарвы на 2,800 верстъ (4 версты равны 1 лье),—и отъ Смоленска (города близъ предѣловъ литовскихъ, обнесеннаго каменною стѣною при Өедорѣ Ивановичѣ Борисомъ Өедоровичемъ, тогдашнимъ правителемъ государства), до Казани, на 1,300 верстъ.

Въ странѣ Казанской прежде находилось независимое татарское царство; оно было покорено великими князьями: Василіемъ Іоанновичемъ и сыномъ его, Іоанномъ Васильевичемъ. Владѣтель Казанскій былъ взятъ въ плѣнъ въ самомъ городѣ Іоанномъ Васильевичемъ: онъ живетъ еще и теперь въ Московіи, зовутъ его царь Симеонъ. Казань построена возлѣ знаменитой рѣки Волги, въ которую впадаетъ Ока.

Подлѣ этого города обитаютъ черемисы. За Казанью, по теченію Волги, впадающей при Астрахани въ Каспійское море, тянутся обширныя необитаемыя степи; только немногія крѣпости построены по берегамъ Волги. Отъ Казани до Астрахани около 2,000 верстъ. Астрахань, укрѣпленный городъ, ведетъ очень дѣятельную торговлю, болѣе дѣятельную, чѣмъ всѣ прочіе русскіе города, и снабжаетъ почти всю Россію солью и соленою рыбой. Полагаютъ, что земля тамъ весьма плодородна, такъ какъ на степяхъ между Казанью и Астраханью растетъ много низкорослыхъ, богатыхъ плодами вишневыхъ деревьевъ и даже нѣсколько лозъ дикаго винограда. Астрахань изобилуетъ хорошими плодами; въ окрестностяхъ ея, какъ разсказываютъ нѣкоторые прежніе писатели, попадаются растенія-животныя, такъ называемые бараны: они выростаютъ изъ земли и привязаны къ корню какъ бы кишкой, идущей отъ пупа, длиною въ 2 или 3 сажени. Названный баранъ поѣдаетъ траву вокругъ себя и затѣмъ умираетъ. Бараны эти величиною съ ягненка; шерсть имѣютъ курчавую. Я видѣлъ ихъ шкуры—иногда совершенно бѣлыя, а иногда съ немногими пятнами.

Въ царствованіе Іоанна Васильевича, покорившаго землю Астраханскую, англичане завели здѣсь торговлю съ Персіей. За Волгой обитаютъ татары, которые называютъ себя Ногаями. Іоаннъ покорилъ еще землю, называемую русскими царствомъ или государствомъ Сибирскимъ. Страна эта покрыта лѣсами, пустынями и болотами и мало изслѣдована; думаютъ, что

она съ одной стороны прилегаетъ къ рѣкѣ Об. Снабжая государство пушниной, т.-е. мѣхами собольими, куньими и весьма дорогими чернолисьими, Сибирь доставляетъ царю весьма значительный доходъ. Теперь начали обрабатывать эту землю, довольно богатую—въ особенности хлѣбомъ.

Русскіе построили четыре города и установили въ нихъ гарнизоны, дабы держать въ повиновеніи народъ, который весьма грубъ, малорослъ, видомъ похожъ на Татаръ ногайскихъ: лицо они имѣютъ плоское и широкое, носъ сплюснутый, глаза малые; цвѣтъ очень смуглый; они отращиваютъ волосы; нѣкоторые имѣютъ бороду, одѣваются въ соболя, шерстью наружу. Лѣтъ тридцать назадъ они не знали хлѣба. Сюда обыкновенно ссылаются люди, впавшіе въ немилость государя.

Для отраженія Крымскихъ Татаръ, союзниковъ Турецкаго Султана, которому они часто помогали опустошать Венгрію, особенно въ 1595 году, когда произошла большая битва при Агріи,—русскіе съ 1593 года начали строить въ пограничныхъ степяхъ многочисленные города и крѣпости: впрочемъ, съ этой стороны Россія обитаема только до Ливенъ, т.-е. на 700 верстъ отъ Москвы. Далѣе находятся Борисовъ, Бѣлгородъ, Царевъ-городъ (въ 1000 верстахъ отъ Ливенъ) и другіе города, которые все болѣе и болѣе населяются: земля здѣсь весьма плодородна, но жители рѣшаются воздѣлывать ее только въ окрестностяхъ городовъ. Думаю, что отъ Царева-города до Великаго Хана не болѣе 8 дней пути. Тамъ въ прежнее время обыкно-

землю собирались Татары, когда они задумывали итти за добычей въ Европу. Вообще, Россія весьма обширна, и имѣетъ границами Литву, Подолію, Турцію, Татарію, рѣку Обь, Каспійское море, Ливонію, Швецію, Норвергію, Новую Землю и Ледовитое море.

Въ сѣверныхъ и западныхъ областяхъ этой страны, болѣе всего обитаемыхъ, весьма холодно; степи же Татарскія, окрестности Волги, Казани, Астрахани и рѣки Оби, находящіяся въ восточныхъ областяхъ, климатъ имѣютъ умѣренный. Въ холодной полосѣ зима продолжается шесть мѣсяцевъ, и снѣгъ бываетъ по поясъ, и цѣлыя рѣки можно переѣзжать по льду; несмотря на это, почва весьма плодородна, изобилуетъ всякими хлѣбами, извѣстными у насъ во Франціи; рожь сѣютъ въ началѣ или половинѣ августа, пшеницу и овесъ, смотря по продолжительности зимы,—въ апрѣлѣ или маѣ, ячмень же въ концѣ мая. Есть и плоды: дыни здѣсь встрѣчаются такія большія и вкусныя, что подобныхъ я нигдѣ въ другихъ земляхъ не видывалъ; сверхъ того, есть много огурцовъ, яблокъ, вишенъ; сливъ и грушъ мало. Орѣховъ, землянички и подобныхъ плодовъ многое множество. Лѣтомъ дождь идетъ изрѣдка, а зимою его никогда не бываетъ; въ Холмогорахъ, Архангельскѣ и Св. Николаѣ, а также и въ другихъ мѣстахъ на сѣверѣ лѣтомъ въ продолженіе мѣсяца или шести недѣль солнце видимо днемъ и ночью: въ полночь оно отстоитъ отъ земли сажени на двѣ или на три; зимою же цѣлый мѣсяцъ дня совсѣмъ не бываетъ, ибо солнце не показывается.

Далѣе вы найдете всякаго рода дичь и животныхъ, какъ и въ Франціи, исключая кабановъ. Ланей и дикихъ козъ довольно много въ восточныхъ и южныхъ областяхъ, въ степяхъ Татарскихъ между Астраханью и Казанью: лосей множество по всей Россіи: кролики весьма рѣдки: фазановъ, куропатокъ, дроздовъ черныхъ и сѣрыхъ, перепеловъ, жаворонковъ весьма много: есть много и другой дичи, исключая бекасовъ, которыхъ видно мало. Въ августѣ и сентябрѣ мѣсяцахъ бываетъ весьма много журавлей, лебедей, гусей и дикихъ утокъ. Изъ аистовъ я видѣлъ зимою только одного, совершенно чернаго. Плотоядныхъ животныхъ — медвѣдей бѣлыхъ и черныхъ — очень много: лисицы, коихъ пять сортовъ, и волки — звѣри обычные здѣсь, въ виду обширности лѣсовъ, и весьма вредные для домашняго скота. Кромѣ того, въ нѣкоторыхъ сѣверныхъ областяхъ встрѣчается особый родъ оленей: они менѣе обыкновенныхъ и съ красивыми вѣтвистыми рогами: шерсть у нихъ сѣроватая, почти бѣлая, а копыта раздвоены болѣе, нежели у обыкновенныхъ оленей. Они доставляютъ пищу, платье служатъ вмѣсто коней для жителей. Запряженный въ сани, для него приспособленныя, олень бѣжитъ скорѣе самой быстрой лошади; большую часть года онъ питается тѣмъ, что находитъ подъ снѣгомъ. Зайцы зимою бѣлы, а лѣтомъ такого же цвѣта, какъ и во Франціи. Сверхъ того, во всякое время встрѣчаются соколы, ястребы и другія хищныя птицы: рѣки же изобилуютъ такою вкусною разнообразною рыбою, что подобнаго богатства нѣтъ во всей Европѣ: изъ рыбъ наи-

болѣе извѣстны: стерляди, бѣлуги, осетры, бѣлорыбица (немного болѣе семги) и другіе роды, какъ и во Франціи, кромѣ форелей. Рыба вообще дешева, какъ и прочіе жизненные припасы. Несмотря на великій голодъ, (о которомъ будемъ говорить послѣ), уничтожившій почти во всей странѣ домашній скотъ, я купилъ во время отъѣзда по дорогѣ ягненка, величиною съ нашего барана или около того, за 10 коп., что составляетъ 13 су 4 денье, и курицу за 7 денье. Каплуновъ держатъ только иностранцы. Такая дешевизна происходитъ отъ того, что каждая овца приноситъ обыкновенно двухъ и трехъ ягнятъ, и отъ каждаго изъ нихъ къ слѣдующему году родится опять столько же. Рогатый скотъ точно такъ же весьма быстро размножается. Въ Россіи вообще не ѣдятъ телятины, считая это грѣхомъ. Кромѣ того, ежегодно постятся 15 недѣль, не считая среды и пятницы, что составитъ около полугода. Благодаря этому мясо весьма дешево; хлѣбъ также не дорогъ; собираютъ его много, а за-границу не вывозятъ: почва же такъ тучна и такъ плодородна, что ее удабриваютъ только въ нѣкоторыхъ мѣстахъ. Мальчикъ отъ 12 до 15 лѣтъ съ небольшою лошадью обрабатываетъ десятину или двѣ ежедневно.

Несмотря на изобиліе и дешевизну съѣстныхъ припасовъ, простой народъ довольствуется весьма немногимъ. Иначе онъ не могъ бы покрыть издержки, ибо тутъ не знаютъ никакой промышленности и весьма лѣнивы. Работы не любятъ и преданы пьянству, какъ нельзя болѣе. Когда веселятся, обыкновенно пьютъ вино и

медъ, приготовленный изъ сотовъ, которые добываются безъ труда и въ великомъ изобиліи; объ этомъ можно судить по множеству воска, который ежегодно отправляютъ въ чужія страны. Есть у нихъ также пиво и другіе дешевые напитки. Всѣ безъ различія, мужчины и женщины, мальчики и дѣвочки, предаются пороку пьянства, самаго неумѣреннаго. Духовенство не уступаетъ мірянамъ, если даже не превосходитъ ихъ. Когда только есть хмельное, которое разрѣшается приготовлять лишь для извѣстныхъ годичныхъ праздниковъ, то пьютъ день и ночь, пока всего не выпьютъ. Я говорю о простомъ народѣ, такъ какъ дворяне имѣютъ право дѣлать напитки, какіе имъ угодно, и пить, когда хотятъ.

Великіе князья ведутъ свой родъ, по извѣстію русскихъ лѣтописей, отъ трехъ братьевъ, которые переселились изъ Даніи и овладѣли Россіей, Литвой и Подоліей лѣтъ за 800 до нашего времени. Старшій изъ братьевъ, Рюрикъ, назвалъ себя великимъ княземъ владимірскимъ, и отъ него по мужской линіи происходятъ всѣ великіе князья, включая Іоанна Васильевича, который послѣ завоеванія Казани, Астрахани и Сибири, получилъ отъ Максимиліана, императора римскаго, титулъ императора.

Что касается титула, то наименованіе «Царь», здѣсь употребляемое, считаютъ самымъ высокимъ. Императора римскаго они именуютъ *Цесаремъ*, производя это отъ Цезаря; прочихъ же государей — королями, слѣдуя полякамъ; владѣтеля персидскаго называютъ *Кизель Баша*, а турецкаго—*Великій Государь Турскій*, т.-е.

великій государь. Слово Царь, по ихъ мнѣнію, находится въ св. писаніи, гдѣ Давидъ, Соломонъ и иные государи названы: Царь Давидъ, Царь Соломонъ. Поэтому они говорятъ, что наименованіе, коимъ Богу угодно было нѣкогда почтить Давида, Соломона и другихъ властителей Іудейскихъ и Израильскихъ, гораздо болѣе приличествуетъ государю, нежели слово цесарь и король, выдуманное человѣкомъ и присвоенное, какъ они полагаютъ, какимъ-нибудь завоевателемъ. Тогда Θеодоръ Іоанновичъ, царь Россійскій, снялъ осаду Нарвы, и полномочные съѣхались для заключенія мира между Россіей и Швеціей, обѣ стороны болѣе двухъ дней перерекались объ императорскомъ титулѣ: Θеодоръ хотѣлъ его принять, шведы же не соглашались уступить. Русскіе заявили, наконецъ, что наименованіе царь еще выше императора, и потому постановлено было именовать Θеодора всегда царемъ и великимъ княземъ московскимъ: и тѣ, и другіе, толкуя наименованіе царь по-своему, считали себя въ выигрышѣ. Король польскій пишетъ точно такъ же: Императоръ, какъ дѣлала и покойная Елизавета, а ему слѣдуютъ король великобританскій, король датскій и великій герцогъ тосканскій. Шахъ персидскій и всѣ владѣтели азіатскіе величаютъ царя такъ, какъ ему угодно. Какъ же называетъ его султанъ турецкій, я не знаю, ибо при мнѣ между ними не было ни письменныхъ сношеній, ни посольствъ.

Іоаннъ Васильевичъ женатъ былъ семь разъ, вопреки своей религіи, которая разрѣшаетъ вступать въ бракъ только три раза: у него

были три сына. Ходитъ слухъ, что царь собственноручно умертвилъ старшаго сына. Но это случилось по другому. Хотя Іоаннъ билъ сына концомъ палки, окованной четырехгранными желѣзнымъ остріемъ въ видѣ жезла,—каковую палку никто не смѣлъ имѣть, исключая государя, ибо прежніе великіе князья получали ее въ знакъ покорности отъ татарскаго Діоткрима, — и хотя онъ и былъ раненъ, однако же умеръ онъ не отъ удара, а уже послѣ, во время путешествія на богомолье. Второй сынъ, Ѳедоръ Ивановичъ, вступилъ на престолъ, когда умеръ его отецъ. Третій былъ отъ послѣдней жены, изъ рода Нагихъ, и имя его было Димитрій. Іоаннъ Васильевичъ, прозванный Мучителемъ, не давалъ вѣры преданности своихъ подданныхъ и испытывалъ ихъ разными средствами; главнымъ опытомъ было возведеніе на престолъ царя Симеона, о которомъ сказано выше. Іоаннъ короновалъ его и вручилъ ему весь царскій титулъ; самъ же построилъ дворецъ противъ Кремля и повелѣлъ называть себя Великимъ Княземъ Московскимъ. Симеонъ царствовалъ цѣлыхъ два года, управляя какъ внутренними, такъ и внѣшними дѣлами. Разумѣется, онъ спрашивалъ у Іоанна совѣта, или, вѣрнѣе, получалъ повелѣнія. Къ концу второго года Іоаннъ низложилъ Симеона съ престола и далъ ему великія богатства. По смерти старшаго сына Царь женилъ второго сына, т.-е. Ѳедора, на дочери *) Бориса Ѳедоровича, который происходилъ изъ достаточнаго хорошаго дома, принадлежащаго къ

*) Здѣсь ошибка: надо—сестрѣ (въ другихъ случаяхъ Маржеретъ говоритъ правильно).

московскому дворянству, и мало-по-малу вкрался въ милость Іоанна. Іоаннъ умеръ въ мартѣ 1584 года.

Послѣ его смерти вступилъ на престолъ Ѳеодоръ, государь весьма небольшого ума, любившій болѣе всего звонить на колокольнѣ и большую часть времени проводившій въ церкви. Борисъ Ѳеодоровичъ, тогда любимый народомъ и весьма жалуемый Ѳеодоромъ, вмѣшался въ правленіе и, имѣя умъ хитрый и смѣтливый, удовлетворялъ каждаго. Послѣ того, какъ стали раздаваться недовольные голоса за низложеніе слабоумнаго Ѳеодора, Борисъ былъ избранъ правителемъ государства. Съ тѣхъ поръ, какъ говорятъ, онъ началъ искать короны, видя, что Ѳеодоръ не имѣлъ дѣтей, кромѣ дочери, умершей на третьемъ году отъ роду: для этого онъ старался приманить къ себѣ народъ благодѣяніями: укрѣпилъ Смоленскъ, обнесъ столицу каменною стѣной, взамѣнъ прежней деревянной, построилъ нѣкоторыя крѣпости между Казанью и Астраханью на предѣлахъ Татарскихъ. Такъ пріобрѣтая доброе расположеніе народа и самаго дворянства, исключая наиболѣе дальновидныхъ знатныхъ, онъ отправилъ въ ссылку своихъ недруговъ подъ разными предлогами. Затѣмъ самое царицу, вдову умершаго Іоанна Васильевича, отправилъ вмѣстѣ съ сыномъ ея, Димитріемъ Іоанновичемъ, въ Угличъ,—городъ, отстоящій отъ Москвы на 180 верстъ. Разсказываютъ, что царица и нѣкоторые знатные, предугадывая, къ чему стремится Борисъ, и зная, какая опасность ожидаетъ младенца (многіе изъ знатныхъ, удаленные въ ссылку, были отравлены дорогою), нашли средство подмѣнить его

другимъ мальчикомъ. Послѣ этого Борисъ умертвилъ еще многихъ невинныхъ знатныхъ. Наконецъ, не опасаясь уже никого, кромѣ Димитрія, Борисъ задумалъ уничтожить послѣднюю преграду и отправилъ въ Угличъ людей, чтобы убить царевича. Это совершилъ сынъ одного чиновника, опредѣленнаго Борисомъ въ секретари къ царицѣ. Злодѣй погибъ на мѣстѣ; а подложнаго царевича, имѣвшаго 7 или 8 лѣтъ отъ роду, похоронили весьма просто.

Вѣсть о смерти Димитрія вызвала въ Москвѣ разные толки: народъ роптавъ. Борисъ, будучи о всемъ освѣдомленъ, приказалъ ночью зажечь гостиный рядъ, купеческіе дома и другія зданія въ различныхъ мѣстахъ, чтобы отвлечь ихъ дѣломъ, пока ропотъ понемногу утихнетъ и умы не успокоятся. Онъ самъ присутствовалъ на пожарѣ, отдавалъ приказанія тушить огонь; при этомъ такъ хлопоталъ, что казалось, будто несчастье очень его печалило. Потомъ, созвавъ потерпѣвшихъ убытки, долго утѣшалъ ихъ добрыми и ласковыми рѣчами, горевалъ о бѣдствіи, обѣщалъ выпросить у царя вспоможеніе каждому изъ нихъ для постройки домовъ и обѣщалъ возвести каменныя лавки взамѣнъ прежнихъ деревянныхъ. Все это онъ исполнилъ; каждый остался доволенъ и почиталъ себя счастливымъ, имѣя столь добраго покровителя. Наконецъ, въ январѣ 1598 года Ѳедоръ скончался (иные полагаютъ, что Борисъ былъ виновникомъ его смерти). Тогда Борисъ еще болѣе прежняго сталъ домогаться короны, но такъ скрытно, что только самые смѣтливые это замѣчали, однако, не рѣшались противиться. Казалось, онъ хотѣлъ только возвести

на престолъ свою сестру, вдову покойнаго Ѳедора. Хотя это было вопреки государственнымъ законамъ, согласно которымъ овдовѣвшая царица или великая княгиня удаляется на покой въ монастырь черезъ шесть недѣль послѣ погребенія мужа. Борисъ притворно отказывался отъ короны даже и тогда, когда предлагали ему, по совѣту сестры его, въ засѣданіи Совѣта (куда всякій могъ приходить во время междуцарствія). И такимъ поведеніемъ онъ заставилъ просить себя о принятіи царскаго титула; но долго не соглашался на эту просьбу и говорилъ избиравшимъ его, что не должно спѣшить, что дѣло требуетъ зрѣлаго размышленія, что никакая опасность ихъ не принуждаетъ, что государство въ мирѣ со всѣми и что оно останется въ томъ же состояніи, въ какомъ было и прежде, когда онъ самъ, при покойномъ государѣ, былъ правителемъ, до тѣхъ поръ пока они, по зрѣломъ разсужденіи, не изберутъ другого. Впрочемъ, справедливо, что въ его время страна не терпѣла бѣдствія, что онъ обогатилъ казну, не говоря уже о городахъ и крѣпостяхъ, которые онъ построилъ, и что онъ заключилъ дружбу со всѣми сосѣдями. Поэтому Борисъ требовалъ притворно созыва Государственныхъ Чиновъ, т.-е. отъ каждаго города по 8 или 10 человѣкъ, дабы весь народъ единодушно рѣшилъ, кого должно возвести на престолъ, ибо желаніе его (говорилъ онъ)—удовлетворитъ каждаго. Но на это нужно было время, и онъ тогда же распустилъ слухъ о вторженіи татарскаго хана въ Россію съ большими силами, ссылаясь на плѣнниковъ, приведенныхъ казаками. Устрашенный народъ еще настоятельнѣе просилъ его принять ко-

рону; Борисъ увѣрялъ, что принимаетъ ее противъ воли, что многіе изъ знатныхъ поколѣнія имѣютъ большее право на престолъ, что онъ и безъ вѣнца любилъ бы гражданъ, какъ родной отецъ, и занимался бы дѣлами съ прежнимъ усердіемъ; но что, въ виду всеобщаго желанія народа, готовъ онъ взять на себя такое тяростное бремя, но не иначе, какъ отразивъ прежде всего невѣрныхъ, идущихъ опустошать государство со стотысячнымъ войскомъ, и предписавъ законы имъ и прочимъ сосѣдямъ. Тогда наименовали его всѣми титулами предшественниковъ.

Спѣша исполнить свое обѣщаніе, Борисъ собралъ войско близъ Серпухова, города близъ Оки, въ 90 верстахъ отъ столицы, гдѣ обычно собираются Татары: и по удаленіи сестры своей, царицы, въ Дѣвичій монастырь (въ 3 верстахъ отъ Москвы), самъ прибылъ къ войску, въ іюлѣ мѣсяцѣ. По словамъ иностранцевъ и самихъ русскихъ, бывшихъ на этомъ смотрѣ, число воиновъ пѣшихъ и конныхъ достигало 500.000. Я преуменьшилъ еще число, ибо Россія никогда не была въ такомъ волненіи. Въ удостовѣреніе же справедливости этого показанія разскажу послѣ, какимъ образомъ собираютъ такое множество людей, ибо я самъ былъ свидѣтелемъ этого. Но война кончилась тѣмъ, что вмѣсто вражеской рати явился ханскій посолъ, съ сотней лихихъ всадниковъ, одѣтыхъ, согласно обычаю ихъ, въ шкуры барановъ, для какого-то мирнаго предложенія. Объ этомъ Борисъ зналъ хорошо и прежде. Соглашеніе это доставило ему великую славу: показавъ послу всѣ русскія силы, и выпаливъ изъ пу-

шекъ, разставленныхъ по обѣимъ сторонамъ дороги на протяженіи двухъ верстъ и въ довольно дальнемъ одна отъ другой разстояніи, онъ провелъ его нѣсколько разъ между орудіями и, наконецъ, отправилъ съ великими дарами. Затѣмъ, отпустивъ воиновъ по домамъ, Борисъ Θеодоровичъ вернулся въ Москву съ большимъ тріумфомъ. Ходилъ слухъ, что татаринъ, услышавъ о силахъ русскихъ, не смѣлъ итти далѣе. Борисъ короновался 1 сентября, т.-е. въ первый день 1598 года.

Уже около 700 лѣтъ прошло, какъ Россія приняла христіанскую вѣру отъ епископа константинопольскаго. Они слѣдуютъ греческому исповѣданію: крещаемыхъ младенцевъ погружаютъ въ воду троекратно, во имя Отца, Сына и Св. Духа; потомъ священникъ надѣваетъ на шею младенца крестъ, вручаемый воспріемникомъ, въ знаменіе крещенія: крестъ этотъ носятъ до самой смерти. Они признаютъ Св. Троицу, но все же отличаются отъ насъ, исповѣдая, что Св. Духъ исходитъ не отъ Отца и Сына, а только отъ Отца, и что онъ покоится на Сынѣ.—Образовъ у нихъ много; всѣ они вообще писаны красками, исключая одного рѣзного Распятія. Говорятъ, что въ Россіи хранится икона Св. Дѣвы Маріи, писанная собственной рукой Евангелиста Луки. Главный покровитель ихъ—Св. Николай. Кромѣ святыхъ, принятыхъ изъ Греціи, они канонизируютъ много другихъ; но кромѣ Дѣвы Маріи, не признаютъ ни одной Святой. Они имѣютъ патріарха, который избранъ во время Іоанна Васильевича патріархомъ Константинопольскимъ. Если я не ошибаюсь, въ Россіи 7 архіепископствъ, кромѣ многихъ

епископствъ и монастырей. Одни священники, и только женатые, совершаютъ таинства: по смерти же своихъ женъ болѣе не священнодѣйствуютъ; если не вступятъ вторично въ бракъ, то могутъ постричься въ монахи. Монахи безбрачны такъ же, какъ и патріархъ, епископы и игумены; поэтому не могутъ ни пріобщать Св. Таинъ, ни ѣсть мяса, и принимаютъ Св. Дары отъ священниковъ. Пріобщаются подъ обоими видами всѣ безъ различія, свѣтскіе и духовные, послѣ тайной исповѣди, обыкновенно разъ въ годъ. Священникъ, вновь вступивъ въ бракъ, переходитъ въ свѣтское званіе. Русскіе почитаютъ истинно-крещеными лишь тѣхъ, которые крестились по Греческому обряду; впрочемъ, католиковъ избавляютъ отъ вторичнаго крещенія. Усердно соблюдаютъ праздники, даже и субботу наравнѣ съ воскресеньемъ, хотя и въ самые большіе праздники открываютъ лавки и работаютъ послѣ полудня, если необходимость настоятельно требуетъ. Постятся русскіе по средамъ и пятницамъ и, кромѣ того, держатъ въ году четыре поста; великій постъ, о которомъ будемъ говорить ниже, два поста по 15 дней каждый, и одинъ передъ Рождествомъ Христовымъ, который начинается черезъ восемь дней послѣ праздника св. Николая; соблюдаютъ же посты такъ строго, какъ только возможно, не вкушаютъ ни яицъ, ни какой бы то ни было мясной пищи. Русскіе имѣютъ Св. Писаніе на своемъ языкѣ, т. е. на славянскомъ; весьма почитаютъ псалмы Давида. Въ церквахъ никогда не произносятъ проповѣдей, а по праздникамъ читаютъ отрывки изъ Библіи или Новаго Завѣта; но невѣжество народа такъ велико, что

не найдется трети, которая знала бы молитву Господню и Символъ вѣры. Можно сказать, что невѣжество народа есть мать его благочестія. Они ненавидятъ науки и особенно латинскій языкъ. Не имѣютъ ни школъ, ни университетовъ. Одни только священники обучаютъ юношей чтенію и письму; этимъ однако только немногіе занимаются. Буквы у русскихъ большей частью суть греческія; книги всѣ почти рукописныя, исключая очень немногихъ печатныхъ экземпляровъ Ветхаго и Новаго Завѣта, пришедшихъ изъ Польши; только 10 или 12 лѣтъ прошло, какъ русскимъ стало извѣстно искусство книгопечатанія; и теперь еще рукописныя книги болѣе почитаютъ, нежели печатныя.—Дважды въ году освящаютъ рѣку и воду: послѣ освященія царь и вельможи обыкновенно въ нее погружаются; я самъ видалъ, какъ для этого прорубали ледъ и какъ царь опускался въ прорубь. Въ вербное воскресенье патріархъ ѣдетъ на ослѣ, при этомъ сидитъ бокомъ, какъ женщины; но такъ какъ не хватаетъ ословъ, берутъ лошадь, покрываютъ ее бѣлымъ полотномъ и привязываютъ ей большія уши. Царь ведетъ ее за поводъ изъ Кремля до церкви, называемой Іерусалимомъ, а оттуда—въ храмъ Богоматери. Во время этого шествія назначенные люди снимаютъ съ себя одежду и разстилаютъ ее по дорогѣ, шествуя впереди священниковъ и другого духовенства города. Въ Россіи существуетъ особый орденъ, состоящій изъ людей, которые въ предчувствіи приближенія смерти были соборованы масломъ: такіе люди обязаны носить до самой смерти платье, имѣющее сходство съ монашескимъ. Это считается весьма богоугоднымъ дѣломъ. Жены ихъ имѣ-

ютъ право выйти замужъ за другихъ.—Никто изъ иновѣрныхъ не можетъ входить въ русскую церковь. Патріархъ, епископы, игумены назначаются царемъ; обычныя церковныя дѣла патріархъ рѣшаетъ самъ, о важнѣйшихъ же случаяхъ онъ докладываетъ царю. Мужъ имѣетъ право подъ разными предлогами развестись съ женою, заключить ее въ монастырь и потомъ жениться—и такъ до трехъ разъ.

Царь даетъ свободу всѣмъ иностранцамъ исповѣдывать открыто свою религію, кромѣ римскихъ католиковъ; евреевъ же не терпятъ со временъ Іоанна Васильевича Мучителя. Этотъ царь велѣлъ собрать всѣхъ евреевъ, находившихся въ Россіи, затѣмъ, связавъ имъ руки и ноги, вывести на мостъ, гдѣ они принуждены были отречься отъ своей вѣры; и когда они сказали, что хотятъ креститься во имя Бога Отца, Сына и Св. Духа, то царь въ ту же минуту приказалъ бросить ихъ въ воду. Тотъ же Іоаннъ Васильевичъ, лѣтъ за 38—40 до нашего времени, завоевалъ большую часть Ливоніи и переселилъ въ Московію жителей Дерпта и Нарвы, при чемъ пожаловалъ взятымъ въ плѣнъ ливонцамъ, послѣдователямъ Лютера, двѣ церкви въ Москвѣ и дозволилъ имъ открыто совершать обряды своей вѣры; позже однако за д[illegible]ть и тщеславіе ихъ приказалъ эти церкви разрушить, а ливонцевъ, не взирая ни на полъ, ни на возрастъ, выгнать на улицу въ зимнюю стужу и оставить ихъ, въ чемъ мать родила. Ливонцы сами повинны. Забывъ минувшее несчастье, лишившись отечества и имущества, сдѣлавшись рабами народа грубаго и жестокаго, подъ правленіемъ царя самовластнаго, они, взамѣнъ смн-

ворить одинъ; Богъ тебя проститъ отвѣ-
другой. При этомъ слѣдуетъ замѣтить, что
ько въ это время, но и всегда, и мужчины
щины считаютъ поцѣлуй знакомъ привѣт-
когда собираются въ путь или увидятся
долговременной разлуки. По окончаніи этой
, всѣ идутъ въ баню; въ слѣдующую же
) или совсѣмъ сидятъ дома, или выходятъ
рѣдко, и цѣлые семь дней ѣдятъ не больше
разъ, при чемъ не ѣдятъ ни мяса, ни рыбы
ольствуются только медомъ и овощами.
льнѣйшую недѣлю являются на улицахъ,
ьма просто одѣтые, какъ будто въ трaурѣ;
альное время поста (кромѣ послѣдней не-
ѣдятъ всякую рыбу, какъ свѣжую, такъ
ную, однако безъ масла, и не вкушаютъ
мясного; по средамъ и пятницамъ мало
свѣжей рыбы, а только одну соленую, и
. На послѣдней недѣлѣ постятся такъ же
), какъ и на первой, или еще строже: тогда
ріобщаются Св. Таинъ.

ѣмъ слѣдуетъ Пасха; тогда начинаютъ
посѣщать другъ друга (какъ на Масля-
), подносятъ другъ другу красныя яйца и
одинъ: *Христосъ воскресе*, другой: *Во-
воскресе*. При этомъ обмѣниваются яйца-
цѣлуются въ знакъ радости о воскресеніи
днемъ. Царь соблюдаетъ этотъ обычай та-
образомъ (какъ и въ послѣдній день Ма-
цы): на другой день по Пасхѣ онъ дозво-
ь каждому цѣловать свою руку, а на другой
когда отправляется къ службѣ, знатнѣйшіе
вѣстные государю сановники подходятъ къ
и также цѣлуютъ его руку; онъ раздаетъ
равляющимъ по одному, два, три яйца.

смотря по тому, кого болѣе жалуетъ. Въ тече
ченіе 15 дней идутъ только праздиества.

Въ Россіи имѣется множество колоколовъ Хотя русскіе, повидимому, отличаются этимъ отъ грековъ, которые вовсе ихъ не употребляютъ въ своихъ церквахъ, какъ это доказываютъ ихъ единовѣрцы: валахи, молдаване, ретійцы и другіе, но это не противорѣчитъ греческой религіи; греки же не осмѣливаются звонить потому, что состоятъ подъ властью турокъ, которымъ Алкоранъ запрещаетъ держать колоколы въ мечетяхъ; не имѣютъ ихъ и евреи. Впрочемъ, католики, протестанты и аріане, обитая въ Трансильваніи, могли благовѣстить, когда Стефанъ, бывшій королемъ польскимъ, а послѣ него Сигизмундъ Баторій управляли ею въ зависимости отъ султана; но греки и тогда не имѣли колоколовъ.

Всѣ пути изъ Россіи охраняются такъ строго, что безъ царскаго изволенія невозможно изъ нея выѣхать. И въ наше время никто носящій оружіе не могъ удалиться изъ страны: я былъ первымъ. Воюя съ Польшей, русскіе не рѣшаются имѣть у себя въ войскахъ, подвластныхъ имъ поляковъ, которыхъ довольно много, а распредѣляютъ ихъ на предѣлахъ Татаріи, поступая такъ же и съ прочими чужестранцами, изъ страха, чтобы они не бѣжали и не предались непріятелю. Русскій народъ—самый недовѣрчивый и подозрительный изъ всѣхъ въ мірѣ.

Всѣ замки ихъ и крѣпости деревянные, исключая: Москвы, Смоленска, Ивангорода, или Нарвы, Тулы, Казани, Астрахани, Коломны, и Путивля (на границахъ Подоліи). Москва—городъ обширный; посерединѣ ея протекаетъ рѣка, которая

ренія вслѣдствіе такихъ своихъ бѣдствій, проявляли такую гордость, держали себя такъ высокомѣрно, одѣвались съ такой роскошью, что казались принцами и принцессами; женщины, отправляясь въ церковь, одѣвались не иначе, какъ въ бархатъ, атласъ, камку; самая бѣдная женщина носила тафтяное платье, хотя бы ничего болѣе и не имѣла. Главный доходъ ихъ получался отъ права продавать хлѣбное вино, медъ и другіе напитки: при чемъ они имѣли прибыли не по 10 на 100, а по 100 на 100; это кажется невѣроятнымъ, но тѣмъ не менѣе справедливо.

Ливонцы всегда оставались одинаковы: казалось, они были приведены въ Россію только для того, чтобы выказывать свою гордость и кичливость, хотя этого не посмѣли бы сдѣлать даже въ собственномъ отечествѣ по строгости законовъ и правосудія. Въ концѣ концовъ имъ дано было мѣсто за городомъ, и тамъ они выстроили дома и одну церковь; однако въ столицѣ имъ не было дозволено жить.—Подъ властью рус... аходятся также татары, турки, персіяне, и другіе магометанскіе народы, исповѣ... открыто свою вѣру, не говоря о сибиря... лапландцахъ и другихъ племенахъ; по... не слѣдуютъ ни христіанскому, ни магом... ому закону, и поклоняются разнымъ жив... ь, какъ имъ угодно, при чемъ не терпятъ ...еній въ своихъ обрядахъ.

...вшихъ русскіе погребаютъ до истеченія ...въ, не исключая ни государя, ни раба, ...шаго утромъ вечеромъ уже хоронятъ. ...о обыкновенію оплакиваютъ нанятыя ...ы, которыя причитываютъ и спраши-

ваютъ покойника, зачѣмъ онъ умеръ: развѣ царь его не миловалъ, развѣ не былъ онъ достаточно богатъ или имѣлъ мало дѣтей, развѣ не имѣлъ онъ честной жены. Если же умираетъ женщина, причитываютъ: развѣ не добрый былъ у нея мужъ, и подобныя глупости. На покойника надѣваютъ новую рубаху, чулки, башмаки, имѣющіе сходство съ туфлей, и шапку; потомъ его укладываютъ въ гробъ и несутъ на кладбище, въ сопровожденіи родныхъ и друзей. Послѣ погребенія они плачутъ на могилѣ и взываютъ такъ, какъ указано выше. Къ концу шестой недѣли приходятъ на могилу вдова и нѣсколько близкихъ друзей, приносятъ напитки, яства и послѣ многихъ слезъ, съ прежними причитаніями, ѣдятъ принесенныя кушанья, остатки же раздаютъ нищимъ. Такъ дѣлаетъ простой народъ; въ случаѣ же смерти значительной особы устраивается пиръ въ домѣ, когда приходятъ съ кладбища, гдѣ родственники сами задаютъ умершему вопросы, или нанимаютъ для этого женщинъ; при этомъ раздаютъ бѣднымъ все, что приносятъ на могилу. Такіе пиры справляютъ въ память усопшаго каждый годъ по одному разу. По прошествіи шести недѣль трауръ оканчивается, и вдова можетъ опять выйти замужъ.

Великій постъ соблюдается такимъ образомъ: въ послѣднюю недѣлю передъ нимъ, которая называется Масляницей, они мяса не ѣдятъ, а ѣдятъ сыръ, яйца, молоко, масло; посѣщаютъ другъ друга, цѣлуются, прощаются, мирятся, если оскорбили какимъ-нибудь словомъ или поступкомъ; встрѣчаясь,—хотя бы никогда прежде не видались, — даже на улицѣ привѣтствуютъ другъ друга поцѣлуемъ. Прости меня, пожалуй-

гораздо шире нашей Сены. Весь городъ окруженъ деревянной оградой, въ окружности, какъ я полагаю, болѣе Парижской; внутри его находится другая стѣна въ половину менѣе первой, не переходя однако-жъ за рѣку. Затѣмъ имѣется изъ кирпича еще третья, окружающая всѣ каменныя купеческія лавки. Сверхъ того, есть крѣпость, построенная при Василіи Іоанновичѣ, родителѣ Іоанна Васильевича, однимъ итальянцемъ. Въ ней много церквей каменныхъ, четыре изъ которыхъ покрыты золоченой мѣдью. Городъ застроенъ деревянными домами; каждый домъ только въ два этажа, но съ большимъ дворомъ, для предупрежденія пожара, которые весьма часто бываютъ. За послѣднее время построено много каменныхъ церквей, деревянныхъ же церквей имѣется безчисленное количество; самыя улицы вымощены деревянными досками.

Высшее дворянство постоянно живетъ въ Москвѣ, оно состоитъ изъ князей (иначе сказать,—герцоговъ), думныхъ бояръ, т.-е. членовъ совѣта, окольничихъ или маршаловъ, дворянъ думныхъ и дворянъ московскихъ. Изъ числа послѣднихъ назначаются начальники и губернаторы городовъ. Число членовъ совѣта не ограничено; это зависитъ отъ царя, который назначаетъ, кого ему угодно. Я зналъ изъ нихъ до 32. Въ случаѣ важныхъ дѣлъ собирается тайный совѣтъ, обыкновенно изъ ближнихъ царскихъ родственниковъ. Спрашиваютъ (для формы) мнѣніе духовенства, приглашая въ совѣтъ патріарха съ нѣкоторыми епископами; но въ самомъ дѣлѣ нѣтъ другого закона или совѣта, кромѣ неограниченной воли государя, доброй или злой. Онъ воленъ поражать всякаго и мечомъ,—и невиннаго

и виновнаго. Это, какъ я полагаю, самый н
ограниченный изъ всѣхъ существующихъ гос
дарей. Всѣ знатные и незнатные страны, да
сами царскіе братья, называютъ себя холопа
государевыми, иначе сказать, рабами царя. Въ с
вѣтѣ еще присутствуютъ два думныхъ дьяк
болѣе секретари, какъ я полагаю, нежели кан
леры, какъ полагаютъ русскіе. Одинъ изъ ни
завѣдуетъ дѣлами посольскими и внѣшними. Др
гой же—военнымъ управленіемъ; отъ него з
висятъ намѣстники и губернаторы городовъ
другіе: но стрѣльцы—лучшая пѣхота (стрѣл
изъ аркебузовъ) состоятъ въ особомъ вѣдомств

Кромѣ того, въ каждой области находит
членъ совѣта или окольничій, и онъ вмѣс
съ однимъ дьякомъ рѣшаетъ споры, которые в
никаютъ среди царскихъ подданныхъ. Долж
замѣтить, что никто изъ судей, или чинови
ковъ, не смѣетъ брать никакихъ подарковъ о
просителей: ибо если обвинятъ ихъ же слу
или подарившіе (которые доносятъ нерѣдко, обм
нувшись въ надеждѣ выиграть дѣло), или кт
либо другой, то отъ уличенныхъ отбираютъ
ихъ имущество и, возвративъ дары, подвергаю
ихъ правежу (о чемъ скажемъ послѣ) для упл
ты пени по назначенію государя, въ пятьсот
тысячу, или двѣ тысячи рублей, болѣе или м
нѣе, согласно званію. Но виновнаго дьяка,
любимаго государемъ, наказываютъ всенаро
кнутомъ, иначе—сѣкутъ плетью, а не розгам
при чемъ привязываютъ къ его шеѣ копеле
серебра, пушнину, жемчугъ, даже соленую ры
или какую другую вещь, взятую въ подаро
потомъ отправляютъ наказаннаго въ ссыл
желая прекратить беззаконіе не только въ

стоящее, но и на будущее время. При всемъ томъ взятки не прекращаются, такъ какъ придумали новую хитрость; приходящій къ судьѣ кладетъ дары предъ имѣющимися у каждаго въ большомъ количествѣ иконами, которыя въ простомъ народѣ называются Богомъ, а въ высшемъ кругу—образомъ. Впрочемъ, если принесенная вещь стоитъ дороже 7 или 8 руб., и царь о томъ провѣдаетъ, то взявшій не освобождается отъ наказанія. Въ продолженіе восьми дней послѣ Пасхи имъ дозволено, вмѣстѣ съ красными яйцами, принимать малоцѣнныя вещи, однако запрещено брать подарки, предлагаемые въ надеждѣ пріобрѣсть ихъ расположеніе: ибо взявшій подвергается взысканію, если докажутъ, что онъ получилъ подарокъ за какое-либо дѣло. Впрочемъ, въ продолженіе настоящаго времени доносъ отъ другихъ лицъ не пріемлется; всѣ же судьи и чиновники должны довольствоваться годовыми окладами и землями, назначенными отъ государя. На рѣшеніе суда приносить жалобу не разрѣшается. Всѣ жители самыхъ дальнихъ областей, исключая городскихъ обывателей, приходятъ судиться въ городъ Москву. Въ городахъ же всѣ дѣла рѣшаютъ губные старосты; на нихъ можно апеллировать въ Москву. Эти второстепенные судьи также ловятъ и сажаютъ въ тюрьму всѣхъ убійцъ, воровъ и мошенниковъ, дѣлаютъ имъ допросы и по окончаніи слѣдствія доносятъ въ Москву назначенному для такихъ дѣлъ высшему вѣдомству—Разбойному Приказу. Во всей странѣ никто не можетъ быть казненъ безъ точнаго повелѣнія верховнаго московскаго совѣта. По русскимъ законамъ, каждый въ судѣ защищаетъ себя либо самъ, либо черезъ род-

ствешника, или служителя: у нихъ не извѣстны прокуроры или адвокаты. Всѣ споры, кромѣ самыхъ очевидныхъ, рѣшаются присягою одной стороны, которая цѣлуетъ крестъ въ особо назначенной церкви съ нѣкоторыми обрядами. Должно замѣтить, что лица, служащія царю конными, лично освобождены отъ присяги: они приказываютъ цѣловать за себя крестъ своимъ служителямъ, исключая только присяги вѣрности государю. Должника, который не уплатитъ казнѣ или частному лицу какой-либо суммы, по неимѣнію или по нежеланію, выводятъ на правежъ, т.-е. въ извѣстное мѣсто, гдѣ въ рабочіе дни особенные люди, именуемые недѣльщиками, бьютъ его по икрамъ тростью либо прутомъ отъ восхожденія солнечнаго до 10 или 11 часовъ. Я часто видѣлъ, какъ наказанныхъ отвозили домой на телѣгахъ. Это продолжается, пока не заплатятъ всего долга: всадники царской службы свободны отъ этого наказанія и могутъ выставить за себя одного изъ своихъ людей.

Дворяне, т.-е. тѣ, кто получаютъ отъ казны жалованіе и помѣстья, ведутъ такой образъ жизни. Встаютъ лѣтомъ при восходѣ солнца и отправляются во дворецъ (конечно, тѣ, кто живутъ въ Москвѣ); тамъ присутствуютъ въ совѣтѣ отъ перваго часа до шести дня. Затѣмъ государь идетъ къ службѣ, куда свита ему сопутствуетъ: это продолжается отъ 7 до 8 часовъ (т.-е. съ 11 до полудня). По выходѣ государя изъ церкви, возвращаются домой обѣдать; послѣ обѣда отдыхаютъ и спятъ часа два или три.

Въ 14 часовъ, по звону колокола, снова посѣщаютъ дворецъ, гдѣ проводятъ около 2 или 3 часовъ вечера; потомъ удаляются, ужинаютъ

я ложатся спать. Слѣдуетъ замѣтить, что лѣтомъ они ѣздятъ верхомъ, а зимою въ саняхъ, и никогда пѣшкомъ не прогуливаются. Это дѣлаетъ ихъ толстыми и тучными: впрочемъ, человѣка съ огромнымъ брюхомъ наиболѣе уважаютъ, называя его дородный человѣкъ. Одѣваются очень просто, кромѣ праздничныхъ дней, торжественныхъ царскихъ выходовъ или пріема пословъ.

Жены ихъ лѣтомъ выѣзжаютъ въ колымагахъ, а зимою въ саняхъ. Когда же царица прогуливается, нѣсколько женщинъ слѣдуютъ за ея каретою, сидя на лошадяхъ верхомъ, какъ мужчины, въ бѣлыхъ поярковыхъ шляпахъ, похожихъ на уборы епископовъ и игуменовъ, съ той лишь разницей, что эти послѣдніе бываютъ сѣрые, темные или черные. Онѣ носятъ длинное платье, одинаково широкое и вверху и внизу, обычно изъ алой матеріи, или изъ хорошаго краснаго сукна; на это платье надѣваютъ другое, изъ какой-нибудь шелковой матеріи, съ большими рукавами, шириною болѣе 3 парижскихъ футовъ; рукава же перваго платья обшиты парчею до самаго локтя. Голову покрываютъ шляпою, унизанною жемчугомъ, если это замужняя женщина, дѣвицы же—черною лисьею, похожею на шапку, надѣваемую сановниками при посольскихъ пріемахъ. Бездѣтная женщина носитъ такой-же уборъ, какъ и дѣвица. Сверхъ того, всѣ носятъ жемчужныя ожерелья шириною въ добрыхъ четыре пальца и весьма длинныя серьги; обуваются въ сапожки сафьянные, красные или желтые, съ каблуками вышиною въ три пальца, подкованными, какъ сапоги польскіе или венгерскіе. Молодыя и старыя, бо-

гатыя и бѣдныя румянятся и бѣлятся, но весьма грубо, и считаютъ за стыдъ не краситься.

Женщины содержатся строго, и покои ихъ отдѣлены отъ мужскихъ. Ихъ никто не видитъ и лишь по особому благоволенію мужъ выводитъ свою жену къ постороннему гостю, не принадлежащему къ близкимъ родственникамъ. Задумавшій вступить въ бракъ начинаетъ переговоры съ родителями невѣсты; заручившись сначала ихъ согласіемъ, онъ посылаетъ вѣрнѣйшаго изъ родственниковъ или друзей посмотрѣть свою будущую жену и по полученіи свѣдѣній заключаетъ брачный договоръ, съ условіемъ, что долженъ заплатить опредѣленную обоюднымъ согласіемъ сумму. Тогда женихъ можетъ видѣть свою невѣсту. Въ день свадьбы ее ведутъ въ церковь, съ покрываломъ на лицѣ, какъ Ревекку при первомъ ея свиданіи съ Исаакомъ. Она такъ дѣлены отъ мужскихъ. Ихъ никто не видитъ и никто видѣть ея лица не можетъ По окончаніи обряда новобрачная тѣмъ же порядкомъ возвращается домой и садится за столъ, не снимая однако покрывала до исполненія супружескаго союза.

Затѣмъ молодые идутъ въ баню, или, если не идутъ, то выливаютъ себѣ на голову ведро воды, ибо считаютъ омовеніе тогда необходимымъ, слѣдуя въ этомъ отношеніи евреямъ и туркамъ. Намѣреваясь войти въ церковь, или даже приблизиться къ домашнимъ иконамъ, которыя у каждаго имѣются въ большомъ количествѣ, они просятъ благословенія священника или монаха. Мужья соблюдаютъ это всякій разъ послѣ ночи, проведенной съ женой. Приданое оцѣнивается вдвое и втрое; если жена умираетъ бездѣтною,

мужъ выплачиваетъ все по оцѣнкѣ ближайшихъ родственниковъ.

Каждый измѣряетъ свое богатство по числу слугъ и служанокъ, а не по количеству денегъ; это они заимствовали у древнихъ. Слуги ихъ, имѣющіеся въ большомъ количествѣ, являются рабами и невольниками: вмѣстѣ съ дѣтьми они переходятъ къ наслѣдникамъ перваго своего господина. Кромѣ этого, и во многихъ другихъ случаяхъ русскіе подражаютъ древнимъ, напримѣръ, въ письмоводствѣ. Всѣ вѣдомости, записки и просьбы свертываются свитками, не составляя книгъ, и не складываютъ бумагъ по нашему обыкновенію. Въ этомъ подражаютъ древнимъ. Такъ было и въ Священномъ Писаніи, какъ свидѣтельствуетъ пророкъ Іезекіиль въ главѣ III. Это сходство замѣтно и на пирахъ или обѣдахъ. Самъ царь, приглашая пословъ обѣдать, говоритъ только: хлѣба ѣсть со мною. Самый большой упрекъ неблагодарному выражается словами: ты забылъ мою хлѣбъ-соль. Когда царь отправляется въ дорогу или вступаетъ на престолъ, или женится, или присутствуетъ на крестинахъ,—подданные всегда подносятъ ему въ числѣ другихъ подарковъ хлѣбъ съ солью. Привѣтствуя, русскіе снимаютъ шапку и кланяются, только не кладутъ руки на голову или на грудь, по обычаю турокъ, персовъ и другихъ магометанъ, но опускаютъ правую руку до земли, или же менѣе низко, смотря по степени уваженія. Но, если низшій проситъ о чемъ-либо своего начальника или если возноситъ молитвы передъ образами, то кладетъ поклонъ, касаясь самой земли; другихъ знаковъ почтенія не знаютъ, колѣнъ также не преклоняютъ, говоря,

что это — обычай магометанъ, которые всегда подгибаютъ ноги, садясь на землю. Женщины поступаютъ такимъ же образомъ.

Многіе изъ рускихъ доживаютъ до 80, 100, 120 лѣтъ, и только въ старости знакомы съ болѣзнями. За исключеніемъ царя и главнѣйшихъ вельможъ, никто не признаетъ лѣкарствъ. Многія лѣкарства находятъ даже нечистыми, пилюли принимаютъ весьма неохотно, промывательное же, мускусъ, выхухоль и другія подобныя средства ненавидятъ. Чувствуя себя больнымъ, простолюдинъ обыкновенно выпиваетъ добрую чарку водки, всыпавъ въ нее зарядъ ружейнаго пороха или смѣшавъ напитокъ съ толченымъ чеснокомъ, и тотчасъ идетъ въ баню, гдѣ въ сильнѣйшемъ жару потѣетъ часа два или три. Такъ лѣчится простой народъ отъ всѣхъ болѣзней.

Что касается до доходовъ государства, то они слѣдующіе: во-первыхъ, царская вотчина, управляемая особымъ вѣдомствомъ или *Дворцомъ*, подъ главнымъ надзоромъ дворецкаго, который вѣдаетъ дѣлами при помощи двухъ дьяковъ; кромѣ того, страна раздѣлена на пять вѣдомствъ, именуемыхъ *Четями*, куда вносятся постоянные доходы. За этими четями наблюдаетъ вѣдомство—*Большой Приходъ*, собирающій и чрезвычайные налоги. Кромѣ вотчины, личный доходъ государя состоитъ: изъ податей, платимыхъ всѣми,—какъ городскими, такъ и сельскими жителями, не исключая и наслѣдственныхъ земель царскихъ родственниковъ; изъ налоговъ и пошлинъ съ разнаго товара; изъ сборовъ съ питейныхъ домовъ, гдѣ продается вино, медъ и пиво (этими напитками по всей Россіи дозволено торговать однимъ откупщикамъ, снявшимъ винные

кабаки въ городахъ и селахъ); изъ пушнины, воска, и другихъ товаровъ. Царскія вотчины заключаютъ жизненные припасы: хлѣбъ, вино, медъ, дичь, скотъ, птицы, плоды и другіе съѣстные припасы, необходимые для стола. Впрочемъ, съ жителей, хотя немного отдаленныхъ отъ столицы, собираютъ все деньгами, и притомъ многое по весьма высокой цѣнѣ. Напримѣръ, съ выти или земельнаго участка, содержащаго семь или восемь десятинъ обработанной земли, на каждой изъ которыхъ можно посѣять двѣ четверти хлѣба, крестьяне платятъ по 10, 12, 15 рублей, даже до 20,—согласно качеству почвы; такъ какъ рубль содержитъ около 6 ливровъ, 12 су, то ежегодный сборъ достигаетъ высокой суммы. И потому во Дворцѣ хранится обыкновенно отъ 120,000 до 150,000 рублей наличныхъ денегъ, болѣе или менѣе, судя по издержкамъ на посольства и другіе чрезвычайные случаи, которыми онъ завѣдываетъ. Нѣкоторые же изъ 5 Четей, напримѣръ, Казанская и Новая, сберегаютъ, за всѣми расходами (они выплачиваютъ пенсіи и жалованье войску), до 80 или до 100,000 рублей, другія отъ 40 до 60,000 рублей, не говоря о Большомъ Приходѣ, въ который поступаютъ чрезвычайные налоги, взимаемые по царскому повелѣнію со своего государства, и другіе случайные источники, напримѣръ, отъ конфискованныхъ имѣній разныхъ лицъ, впавшихъ въ немилость. Далѣе, есть еще особое вѣдомство, именуемое Казною, куда поступаютъ пушнина и воскъ. Сюда же идетъ пошлина за печать (съ каждой бумаги берутъ по четверть рубля). Казна платитъ за всѣ товары, покупаемые для государя. Каждое областное вѣдомство въ кон-

цѣ года присылаетъ значительную сумму, ибо царь беретъ десятую часть со всѣхъ тяжебныхъ дѣлъ, рѣшаемыхъ въ судѣ. Кромѣ того, есть еще два особенныхъ вѣдомства: одно,—по названію Помѣстный Приказъ, — вѣдаетъ раздачу земли, за каждую запись взыскиваетъ 2, 3 или 4 рубля, по величинѣ отводимаго участка, и собираетъ доходы съ владѣній, принадлежавшихъ опальнымъ, пока государь не отдастъ ихъ кому-либо другому. Другое, — Конюшенный Приказъ, — имѣетъ также многіе случайные доходы; со всѣхъ лошадей, продаваемыхъ въ государствѣ, кромѣ крестьянскихъ, платятъ за совершаемую при куплѣ запись около 20 су, дабы не отвѣчать, если купленная лошадь окажется краденою. Этому приказу доставляетъ также большую прибыль конскій торгъ, производимый въ Россіи ногайскими татарами; прежде всего царь имѣетъ право избирать для себя изъ приведенныхъ ими коней десятаго, за остальныхъ же получаетъ отъ продавца, или покупателя, согласно взаимному ихъ условію, по 5 со 100. Отбираемыя для царя лошади—обыкновенно молодыя или жеребята—черезъ два или три года продаются за большую сумму. Я видалъ за разъ до 40,000 такихъ лошадей. Ногаи приводятъ ихъ каждый годъ два или три раза, въ большемъ или меньшемъ числѣ, такъ что въ этомъ случаѣ нельзя знать навѣрное царскій доходъ.

Это—страна очень богатая. Не высылая денегъ за границу, но ежегодно ихъ накопляя, русскіе производятъ выплаты обыкновенно товарами, которые имѣются въ большомъ количествѣ и въ различномъ видѣ: пушниной, воскомъ, саломъ, кожами воловьими и олеными, сафья-

номъ, льномъ, всякаго рода веревками, икрою (которой весьма много отправляется въ Италію), соленою семгою, ворванью и другими припасами. Хлѣба же, несмотря на его громадное изобиліе, не смѣютъ вывозить за границу со стороны Ливоніи. Кромѣ того, русскіе вымѣниваютъ или продаютъ иноземцамъ поташъ, льняное сѣмя, пряжу, не покупая ничего отъ нихъ на чистыя деньги; даже самъ царь платитъ серебромъ, когда сумма не превышаетъ 4 или 5.000 рублей, обыкновенно же пушнымъ товаромъ, либо воскомъ. Царь имѣетъ свои неприкосновенныя сокровища, которыя болѣе или менѣе увеличиваются. Расходная Казна, покрывая чрезвычайныя издержки, наполнена въ большомъ количествѣ всякими драгоцѣнными изделіями, особенно изъ жемчуга, который въ Россіи употребляется болѣе, нежели во всей Европѣ. Я видѣлъ въ этой сокровищницѣ до пятидесяти царскихъ платьевъ, вышитыхъ, вмѣсто позумента, драгоцѣнными узорами; видѣлъ также одежды, вышитыя жемчугомъ сверху до низу, или на футъ, полфута и пальца на четыре во всю окружность; съ полдюжины покрывалъ, усыпанныхъ жемчугомъ, и другія подобныя вещи. Тутъ же хранятся очень дорогіе камни, ежегодно покупаемые, за исключеніемъ принимаемыхъ послами; четыре короны, изъ которыхъ три царскія и одна старинная великокняжеская, кромѣ приготовленной, но еще не совсѣмъ отдѣланной, для царицы, Димитріевой супруги (онъ первый хотѣлъ короновать женщину, ибо ни царицы, ни великія княгини, по русскимъ обычаямъ, не коронуются); два скипетра и двѣ золотыя державы; я видѣлъ эти

вещи, имѣя честь неоднократно сопровождать Димитрія Іоанновича въ кладовыя, гдѣ хранятся эти сокровища. По мнѣнію русскихъ, платья, драгоцѣнные камни, парча, серебро, все зависитъ отъ Казны. Въ ней находятся двѣ цѣльныя кости единорога, царскій посохъ, также изъ цѣльной кости во всю длину, съ поддѣльною рукояткою, и половина единороговой кости, употребляемой ежедневно въ лѣкарство. Я видѣлъ еще другой посохъ, золотой, внутри нѣсколько выдолбленный для уменьшенія тяжести; множество золотыхъ блюдъ, бокаловъ разной величины и безконечное количество серебряной посуды, вызолоченной и невызолоченной; о численности ея можно судить по такому примѣру: когда Борисъ Ѳедоровичъ, послѣ восшествія на престолъ, собралъ войско въ Серпуховѣ, то устроилъ пиръ, который продолжался цѣлыя шесть недѣль, и каждый день, по свидѣтельству очевидцевъ, угощали на серебряной посудѣ, подъ шатрами, 10.000 человѣкъ. Я видѣлъ въ сокровищницѣ съ полдюжины серебряныхъ бочекъ, отлитыхъ, по приказанію Іоанна Васильевича, изъ серебряной посуды, вывезенной изъ покоренной Ливоніи: одна изъ этихъ бочекъ величиною почти съ пол-мюи, другія—менѣе; видѣлъ также множество огромныхъ серебряныхъ тазовъ, съ ручками по сторонамъ: наполнивъ медомъ, ихъ приносятъ обыкновенно четыре человѣка и ставятъ на обѣденные столы по 3 или 4 таза съ большими серебряными чашками (ковшами), которыми гости сами черпаютъ напитки,—иначе было бы не достаточно 200—300 служителей для угощенія пирующихъ за царскими столами. Вся эта посуда русской ра-

боты. Кромѣ того, есть множество серебряной утвари — нѣмецкой, англійской, польской, поднесенной царю различными государями черезъ пословъ, или купленной въ виду рѣдкости работы. Казна богата всякими шелковыми матеріями, золотою и серебряною парчею, персидскою, турецкою, различнаго рода бархатомъ, атласомъ, камкою, тафтою и другими шелковыми тканями. Въ самомъ дѣлѣ ихъ нужно громадное количество, ибо всѣ служащіе государю получаютъ обыкновенно, кромѣ денежныхъ окладовъ, парчевыя одежды, или кусокъ бархата, камки, атласа—на кафтанъ. Этимъ же царь награждаетъ какъ за военныя, такъ и за гражданскія заслуги/ Равнымъ образомъ пословъ татарскихъ, крымскихъ, ногайскихъ и другихъ азіатскихъ народовъ вмѣстѣ съ людьми ихъ свиты одариваютъ шелковыми матеріями каждаго сообразно его достоинству. Поэтому для пополненія Казны всѣ купцы, и иноземцы, и русскіе, обязаны предъявлять туда всякія шелковыя издѣлія и другія дорогія вещи, изъ которыхъ нѣкоторыя выбираются для Государя. Если же купецъ скроетъ или продастъ что-либо изъ своего товара, даже на 10 или 12 су, прежде осмотра въ Казнѣ, то у него отбирается все остальное, хотя бы онъ заплатилъ пошлину и другія подати. Въ Россіи нѣтъ никакихъ минераловъ, кромѣ желѣза, весьма мягкаго; впрочемъ, я сомнѣваюсь, чтобы въ столь обширной странѣ не было другихъ рудъ: не достаетъ только свѣдущихъ людей.

Монета ихъ состоитъ изъ денегъ или копеекъ, цѣною около 16 денаріевъ турнскихъ, изъ московокъ—въ 8 денаріевъ, и полу-

шекъ—въ 4 денарія. Всѣ монеты серебряныя; серебро въ нихъ нѣсколько чище, нежели въ реалахъ; ими платятъ всякія суммы, ибо другой монеты въ Россіи нѣтъ; считаютъ рублями, содержащими каждый 100 денегъ (или 6 ливровъ 12 су), полурублями, четверть рублями, гривнами (10 копеекъ) и алтынами (3 деньги, или 4 су). Но иностранные купцы привозятъ множество рейхсталеровъ или ефимковъ, которые русскіе принимаютъ съ выгодою: каждый ефимокъ идетъ за 12 алтынъ, или 36 денегъ, т.-е. 49 су; однако при перечеканкѣ, съ нѣкоторымъ очищеніемъ металла, ефимокъ, вѣсомъ въ 40 су, даетъ уже 42 деньги. Эти же купцы привозятъ множество дукатовъ: русскіе покупаютъ и продаютъ ихъ, какъ прочіе товары, часто съ великою прибылью: я видалъ, что за одинъ червонецъ иногда платили 24 алтына, или около 4 ливровъ, 16 су, иногда 16 алтынъ, нерѣдко и 2 руб.; обыкновенная же имъ цѣна— отъ 18 до 21 алтына. Но такая большая дороговизна дукатовъ бываетъ во время царскаго коронованія, брака, при крестинахъ: ибо тогда каждый подноситъ государю какіе-нибудь подарки: населеніе же цѣлыми обществами и союзами является съ богатыми дарами, въ числѣ которыхъ есть обыкновенно дукаты, иногда въ кубкахъ, иногда въ серебряныхъ чашахъ, или на блюдахъ, покрытыхъ тафтою. Цѣнность этой монеты увеличивается также за нѣсколько дней до Пасхи: ибо въ продолженіе Святой недѣли русскіе, слѣдуя обычаю христосоваться другъ съ другомъ (какъ уже было сказано выше), вмѣстѣ съ красными яйцами подносятъ вельможамъ и своимъ покровителямъ какія-нибудь драгоцѣн-

ныя вещи: жемчугъ, либо червонцы. Это единственное въ году время, когда сановники могутъ принимать подарки, рублей въ 10 или 12; если же болѣе, то тайно; ибо въ такомъ случаѣ подвергаются наказанію.

Важнѣйшую должность въ Россіи занимаетъ начальникъ конюшни, называемый Конюшій Бояринъ; за нимъ идетъ Аптекарскій Бояринъ, вѣдающій медиковъ и аптекарей; потомъ Дворецкій и, наконецъ, Кравчій: эти четыре сановника—главные въ Совѣтѣ. Кромѣ того, при Дворѣ находится много другихъ чиновъ: стольниковъ, чашниковъ, стряпчихъ, пажей и проч. Царскую гвардію составляютъ 10,000 стрѣльцовъ; они живутъ въ Москвѣ и находятся подъ начальствомъ одного генерала, раздѣляясь на приказы, т.-е. роты, въ 500 человѣкъ каждая; ротою командуетъ голова, по нашему капитанъ; сотнею — сотникъ, а десяткомъ — десятникъ, по нашему капралъ: нѣтъ ни лейтенантовъ, ни прапорщиковъ. Каждый капитанъ, смотря по заслугамъ, олучаетъ жалованья отъ 30 и 40 до 60 рублей жегодно да земли въ такой же соразмѣрности) трехсотъ, четырехсотъ и пятисотъ четвертей. Словомъ четверть я всегда означаю арпанъ зели). Большинство сотниковъ, владѣя землею, олучаетъ отъ 12 до 20 рублей; капралы до 0 рублей, а стрѣльцы—по 4 и 5 рублей ежедно; кромѣ того, каждому дается 12 четверей ржи и столько же овса. Когда царь отправляется за городъ, хотя бы не далѣе 6 или 7 рстъ, большая часть стрѣльцовъ слѣдуютъ за имъ на коняхъ изъ царской конюшни: коней ютъ имъ также, когда посылаютъ ихъ на вой-

ну или для охраненія городовъ; сверхъ того, назначаются люди, которые готовятъ имъ пищу и для каждаго десятка дается по одной телѣгѣ съ провіантомъ. Кромѣ дворянъ, живущихъ постоянно въ Москвѣ, набираютъ главнѣйшихъ дворянъ отъ каждаго города, гдѣ они имѣютъ земли. Они называются выборными дворянами; каждый городъ, согласно своимъ размѣрамъ, представленъ отъ 16 до 30 дворянъ. Три года они находятся въ Москвѣ, а затѣмъ смѣняются новымъ наборомъ. Этимъ способомъ царь собираетъ многочисленную кавалерію, такъ что представленъ отъ 16 до 30 дворянъ. Три года ибо тогда всѣ люди, служащіе при дворѣ, садятся на коней и слѣдуютъ за государемъ. Многіе изъ дворянъ поочередно проводятъ цѣлыя ночи во дворцѣ безъ всякаго оружія. Если надобно принять какого-нибудь посла съ особеннымъ вниманіемъ, стрѣльцы становятся рядами, въ полномъ вооруженіи, по обѣимъ сторонамъ дороги, начиная отъ деревянныхъ или каменныхъ воротъ до его помѣщенія. кромѣ того, являются московскіе дворяне и главнѣйшіе купцы въ богатыхъ одеждахъ (послѣднее зависитъ отъ степени почета, который хотятъ оказать посланнику). Для такихъ случаевъ каждый дворянинъ имѣетъ три или четыре перемѣнныхъ кафтана; иногда имъ даютъ изъ казны платья парчевыя, изъ золотой и серебряной ткани персидской, съ высокою шапкою изъ чернаго лисьяго мѣха; иногда одѣваются въ ц в ѣ т н о е п л а т ь е. изъ объяри, камлота, или краснаго тонкаго сукна нѣжнаго цвѣта, съ золотыми вышивками, и покрываютъ голову черною шапкою; въ иныхъ случаяхъ носятъ ч и с т ы я

платья, т.-е. нарядную одежду. Число и достоинство людей увеличивается или уменьшается, сообразно чести, оказываемой посланнику. Встрѣтивъ его за городомъ, на разстояніи выстрѣла изъ лука, а иногда на четверть лье, подводятъ ему и свитѣ лошадей изъ царской конюшни для въѣзда въ городъ. Дворяне провожаютъ его до помѣщенія, передъ которымъ ставятъ стражей, не дозволяя никому входить, кромѣ особо назначенныхъ лицъ. Никто изъ посольства не можетъ выходить безъ провожатыхъ, которые наблюдаютъ, куда онъ пойдетъ, что будетъ дѣлать и что говорить. На границу также посылаютъ особыхъ лицъ для заботы о продовольствіи пословъ; и не только послы, но и всякій иноземецъ, желающій служить царю, получаетъ и въ Москвѣ и въ дорогѣ, каждый по достоинству, всѣ необходимыя жизненныя потребности, какъ для себя самихъ, такъ и для своихъ лошадей (это зовутъ кормомъ). Содержаніе это увеличивается, либо уменьшается по повелѣнію царя. Всѣ же припасы доставляетъ вѣдомство, именуемое Дворцомъ.

Переходя къ войску, прежде всего надо сказать о воеводахъ, иначе генералахъ; въ случаѣ войны они выбираются обычно изъ думныхъ боярь и окольничьихъ: въ мирное же время ежегодно выбираются изъ думныхъ и московскихъ дворянъ и посылаются на южныя границы Татаріи для отраженія набѣга татарскихъ отрядовъ, которые часто опустошаютъ русскія поля и угоняютъ лошадей отъ гарнизоновъ; если же не встрѣтятъ сопротивленія, вредятъ еще болѣе. Русское войско дѣлится на пять частей: авангардъ, который стоитъ близъ како-

го-нибудь города на татарскихъ границахъ; правое крыло—близъ другого города; лѣвое крыло, главное войско и арьергардъ; всѣ отряды размѣщены въ разныхъ мѣстахъ; но воеводы, по первому приказанію, должны соединиться съ главною арміей. Кромѣ воеводъ, другихъ чиновъ военныхъ нѣтъ; впрочемъ, и конница, и пѣхота состоятъ подъ командой капитановъ; но при нихъ нѣтъ ни лейтенантовъ, ни прапорщиковъ, ни трубъ, ни барабановъ; только генералы имѣютъ свое особое знамя, съ ликомъ Святого, освященное патріархомъ; при немъ находятся два или три человѣка; кромѣ того, за воеводами везутъ на лошадяхъ около 10—12 набаговъ, или мѣдныхъ барабановъ, такое же число трубъ и нѣсколько гобоевъ. Бьютъ въ набаги только тогда, когда готовятся къ сраженію, либо во время незначительной стычки: а одинъ употребляютъ ежедневно: имъ даютъ сигналъ слѣзать или садиться на коней.

Желая открыть непріятеля въ обширныхъ татарскихъ степяхъ, русскіе поступаютъ такимъ образомъ: тамъ пролегаютъ дороги, называемыя Царскою, Крымскою и дорогой Великаго Хана; тамъ же растутъ одинокіе, рѣдкіе дубы, на разстояніи одинъ отъ другого въ 8, 10 и до 40 верстъ. По большей части при каждомъ изъ нихъ становятся два человѣка съ готовыми конями, одинъ сторожитъ на вершинѣ дерева, а другой—кормитъ коней, совсѣмъ осѣдланныхъ. Они смѣняются черезъ четыре дня. Сидящій на вершинѣ дуба, замѣтивъ въ отдаленіи пыль, тотчасъ же слѣзаетъ, не говоря ни слова, вскакиваетъ на коня, мчится во весь опоръ къ другому дереву, кричитъ издали и указываетъ рукою, гдѣ видѣлъ

непріятеля. Стражъ второго дерева, находясь на вершинѣ, уже издали замѣчаетъ скачущаго вѣстника и, какъ только сообразитъ изъ его словъ или изъ знаковъ, съ какой стороны поднимается пыль, приказываетъ своему товарищу, наблюдающему за конями, скакать къ слѣдующему дереву. Такъ, увѣдомляя другъ друга, даютъ знать ближайшей крѣпости и, наконецъ, самой Москвѣ, не принося никакихъ другихъ вѣстей, кромѣ того, что видѣли непріятеля; нерѣдко же за враговъ принимаютъ степной табунъ или стадо дикихъ животныхъ. Но когда стражъ, остановившійся при первомъ деревѣ, также прискачетъ и удостовѣритъ извѣстіе, тогда, съ прибытіемъ его, войско берется за оружіе, воеводы соединяются и посылаютъ людей развѣдать о силахъ непріятеля. Узнаютъ это иногда такимъ образомъ: недалеко отъ пути, которымъ идутъ татары, скрываются разсыпанные въ разныхъ мѣстахъ дозоры; выждавъ время, когда непріятель пройдетъ, они выходятъ на слѣды и довольно вѣрно опредѣляютъ силы врага по широтѣ дороги, протоптанной конями. Трава достигаетъ такой высоты, что даже лошадей бываетъ не видно; но это трава не луговая, а степная. Русскіе зажигаютъ ее каждый годъ весною, отчасти для того, чтобы татары не могли найти корма для своихъ коней, отчасти и для того, чтобы трава росла выше. Но если непріятель идетъ по вышеупомянутымъ дорогамъ, то численность ихъ вѣрно опредѣляютъ по глубинѣ слѣда или по вихрямъ подпимающейся пыли: вообще татары избираютъ пути извѣстные и неохотно прокладываютъ новые, по степной травѣ, такъ какъ боятся утомить лошадей. Когда сторожевые до-

зоры, пробравшись тайными, знакомыми тропинками, принесутъ вѣсть о непріятельскихъ силахъ, русскіе начальники отступаютъ въ какой-нибудь рѣкѣ, или къ лѣсу, думая остановить врага. Но татаринъ весьма ловокъ и проворенъ; занимая русскихъ перестрѣлкою 20 или 30 всадниковъ, въ то же время посылаетъ другимъ путемъ нѣсколько отрядовъ для опустошенія страны. Эти отряды столь быстро дѣлаютъ свое дѣло, что наносятъ ударъ прежде, нежели русскія войска узнаютъ объ ихъ вторженіи. Татары не обременяютъ себя иною добычей, кромѣ плѣнниковъ, и не имѣютъ никакой поклажи, хотя у каждаго есть одна или двѣ запасныя лошади, отлично выѣзженныя и послушныя. Они столь искусные наѣздники, что на всемъ скаку прыгаютъ съ одной лошади на другую; кромѣ лука, стрѣлы и сабли не имѣютъ другого оружія; стрѣляютъ быстрѣе и вѣрнѣе на бѣгу, нежели стоя неподвижно; для пищи запасаются мясомъ, высушеннымъ на солнцѣ и изрѣзаннымъ въ мелкіе куски; къ сѣдельному арчаку привязываютъ длинную веревку. Сотня татаръ всегда разгонитъ двѣсти русскихъ, если только не состоятъ изъ отборнѣйшихъ воиновъ; встрѣтивъ же русскую пѣхоту или стрѣльцовъ, укрѣпившихся на рѣчномъ берегу или въ лѣсу, татары быстро уходятъ, хотя русскіе въ дѣйствительности умѣютъ скорѣе пугать, нежели вредить имъ: если отрядъ русскихъ всадниковъ, тысячъ въ пятнадцать или двадцать, рѣшится преслѣдовать татарскихъ наѣздниковъ, они разсыпаются во всѣ стороны, и подъ пушечными выстрѣлами остается изъ нихъ не болѣе 3 или 4 тысячъ человѣкъ, болѣе походящихъ на привидѣнія, не-

жели на всадниковъ. Поэтому татары обыкновенно возвращаются безъ большого урона, если только русскіе не успѣютъ преградить имъ дорогу на переправахъ черезъ рѣки, или въ лѣсу, ожидая ихъ прохода. Но это рѣдко бываетъ.

Главныя силы русской арміи заключаются въ конницѣ. Кромѣ вышеуказанныхъ дворянъ, она состоитъ изъ выборныхъ дворянъ, городскихъ дворянъ, дѣтей боярскихъ и сыновей боярскихъ; ихъ большое количество. Отряды ихъ называются по имени городовъ, въ предѣлахъ которыхъ дворяне имѣютъ свои помѣстья. Нѣкоторые города, напримѣръ, Смоленскъ, Новгородъ и другіе выставляютъ отъ 30 и 40 до 80 и 120 всадниковъ. Такихъ городовъ, выставляющихъ большое количество воиновъ, весьма много. Каждый дворянинъ обязанъ привести съ собою по одному конному человѣку и по одному пѣхотинцу со 100 четвертей владѣемой земли; это, разумѣется, въ случаѣ необходимости: иначе только сами они являются въ войско. Такъ собирается многое множество народа, но мало воиновъ.

Содержаніе членамъ Совѣта кладутъ отъ 500 до 1,200 рублей (окладъ, присвоенный Князю Ѳеодору Ивановичу Мстиславскому, занимавшему всегда первое мѣсто въ правленіи четырехъ государей). Окольничіе получаютъ отъ 200 до 400 рублей и земли отъ 1.000 до 2.000 четвертей (при мнѣ ихъ было до 15 человѣкъ); думные дворяне, которыхъ обыкновенно болѣе шести не бываетъ,—отъ 100 до 200 рублей и земли отъ 800 до 1,200 четвертей: московскіе дворяне—отъ 20 до 100 руб.

и земли отъ 500 до 1,000 четвертей; выборные дворяне—отъ 8 до 15 рублей; городовые дворяне—отъ 5 до 12 рублей и земли до 500 четвертей. Оклады выдаются каждый годъ, а четверти,—какъ сказано выше; съ каждыхъ 100 четвертей обязательно выставлять двухъ человѣкъ (объ этомъ уже говорили). Дѣтямъ боярскимъ и сыновьямъ боярскимъ производится жалованье по 4, 5 и 6 рублей, одинъ разъ за шесть или семь лѣтъ; а земли даютъ отъ 100 до 300 четвертей. Служба ихъ соотвѣтствуетъ обыкновенно жалованью: наблюдаютъ только за тѣмъ, чтобы всегда ихъ было опредѣленное число.

Важнѣйшіе изъ дворянъ должны являться на службу въ кольчугѣ, шишакѣ, съ копьемъ, лукомъ и стрѣлами и приводить слугъ, сильно вооруженныхъ; другимъ разрѣшается только брать добрыхъ коней, лукъ, стрѣлы и саблю, такъ же, какъ и слугъ. Такимъ образомъ составляется многочисленное войско изъ ратниковъ, плохо вооруженныхъ, не знающихъ ни порядка, ни военнаго искусства, и нерѣдко болѣе вредныхъ, нежели полезныхъ во время войны. Къ нимъ присоединяются до 20,000 всадниковъ казанскихъ и черемисскихъ; до 7 или 8,000 наѣздниковъ мордовскихъ и татарскихъ, подвластныхъ Россіи, жалованье которыхъ отъ 8 до 50 рублей; отъ 3,000 до 4,000 черкассовъ, до 2,500 нѣмцевъ, поляковъ и грековъ, съ окладами отъ 12 до 60 рублей (нѣкоторые капитаны ихъ получаютъ до 120 рублей, кромѣ земель, которыхъ даютъ отъ 600 до 1,000 четвертей). Наконецъ, патріархъ, епископы, игумены и другіе духовные владѣльцы земель вы-

сылаютъ *людей даточныхъ*, а именно: со 100 четвертей одного всадника и одного пѣшаго; если надобность требуетъ, духовенство даетъ вмѣсто ратниковъ военные снаряды и множество лошадей для пушекъ, стрѣльцовъ и различныхъ всадниковъ. Такова русская кавалерія.

Въ Россію лошади приводятся главнымъ образомъ изъ Ногайской Татаріи; лошадей называютъ *конями*; они роста средняго, весьма удобны для работы и бѣгутъ безъ отдыха 7 или 8 часовъ. Но если слишкомъ утомятся и выбьются изъ силъ, то нужно 4 или 5 мѣсяцевъ, чтобы они поправились; имѣя весьма дикій нравъ, они пугаются ружейнаго выстрѣла; обыкновенно бываютъ неподкованы, такъ же, какъ и русскія лошади; многіе овса совсѣмъ не ѣдятъ, и если намѣрены его давать, то надо пріучать къ нему коней постепенно. Кромѣ того, русскіе покупаютъ изрѣдка черкасскихъ жеребцовъ, которые весьма красивы, но при продолжительной ѣздѣ не могутъ сравняться въ выносливости и быстротѣ съ конями татарскими; есть лошади турецкія и польскія, между которыми встрѣчаются хорошія; ихъ зовутъ аргамаками; всѣ аргамаки, вообще, мерины. У ногайцевъ бываютъ иногда небольшія, очень красивыя лошадки,—бѣлыя съ черными пятнами, какъ тигры или леопарды, будто бы разрисованныя. Лошади русскія называются *меринами*; онѣ малорослы, но крѣпки, въ особенности если онѣ изъ окрестностей Вологды, и гораздо понятливѣе ногайскихъ. Можно имѣть весьма красивую и хорошую татарскую или русскую лошадь цѣной за 20 рублей, которая прослужитъ долѣе аргамака, турецкой

лошади, стоящей 50, 60 и 100 рублей. Въ Россіи лошади чаще хвораютъ, нежели во Франціи, особенно отъ болѣзни, называемой марища. Это гной, собирающійся въ груди животнаго. Если не истреблять его немедленно, онъ бросается въ ноги, и тогда нѣтъ спасенія. Хозяинъ, при первомъ признакѣ болѣзни, тотчасъ разрѣзаетъ кожу на груди, почти между ногъ, вкладываетъ въ рану конецъ веревки, свитой изъ пеньки съ древесной корой и натертой варомъ; потомъ гоняетъ лошадь раза два или три сряду, пока она сильно не вспотѣетъ, часто передвигая веревку; черезъ три или четыре дня гной созрѣваетъ и вытекаетъ изъ раны. По прошествіи 15 дней или 3 недѣль веревку вынимаютъ, и рана заживаетъ; лошадь же дѣлается совсѣмъ здоровой; дабы предупредить эту болѣзнь, обыкновенно гоняютъ лошадей въ рѣку, какъ только растаетъ ледъ, и пускаютъ ихъ въ воду по самую шею и держатъ тамъ часъ или два до тѣхъ поръ, пока онѣ отъ сильнаго озноба почти не могутъ стоять. Такъ дѣлаютъ почти 15 дней сряду; послѣ этого онѣ становятся бодрыми и живыми. Лошади татарскія и русскія весьма склонны къ запалу; пускаются онѣ въ работу не моложе 7 или 8 лѣтъ и служатъ до 20-ти. Я видѣлъ однако лошадей 24 и 30 лѣтъ, на видъ не старѣе 10 или 12, еще способныхъ къ работѣ. Наконецъ, въ Россіи встрѣчаются весьма хорошіе иноходцы.

Лучшая пѣхота, какъ уже сказано, состоитъ изъ стрѣльцовъ и казаковъ (о послѣднихъ еще не говорили). Стрѣльцовъ въ Москвѣ 10,000: кромѣ того, въ каждомъ городѣ, отстоящемъ на 100 верстъ отъ границъ Татаріи, сообразно ве-

личинѣ крѣпостей, находятся гарнизоны численностью отъ 60, 80 до 150 стрѣльцовъ; города же пограничные снабжены ими въ гораздо большемъ количествѣ. Казаки бываютъ разные. Одни оберегаютъ зимой заокскіе города, не имѣютъ постоянныхъ жилищъ и получаютъ отъ казны стрѣлецкое жалованіе, хлѣбъ, порохъ и свинецъ. Другіе владѣютъ землями и не трогаются гарнизонами; изъ нихъ не болѣе пяти или шести тысячъ употребляютъ оружіе. Подлинные казаки живутъ въ степяхъ Татарскихъ, по берегамъ Волги, Дона и Днѣпра. Они часто наносятъ татарамъ гораздо большій вредъ нежели вся русская армія. Отъ царя они получаютъ небольшое содержаніе, но за то они пользуются свободой, какъ говорятъ, дѣлать то, что хотятъ. Имъ позволено временами приходить въ пограничные города, продавать тамъ добычу и покупать нужныя имъ для себя вещи. Царь, намѣреваясь воспользоваться ихъ оружіемъ, посылаетъ имъ порохъ, свинецъ и отъ 7 до 10,000 рублей. Они обыкновенно первые приводятъ плѣнныхъ татаръ, отъ которыхъ узнаютъ о замыслахъ непріятеля. Тому, кто возьметъ и доставитъ плѣнника, даютъ обыкновенно хорошаго сукна и камки на два платья, 40 куницъ, серебряную чашу и 20 или 30 рублей. Казаки, по царскому приказу, въ числѣ отъ 8 до 10,000, присоединяются къ русской арміи. Это бываетъ въ случаѣ необходимости; впрочемъ, днѣпровскіе казаки безпрестанно грабятъ Подолію. Къ нимъ присоединяютъ крестьянъ—по одному человѣку со ста четвертей, которые умѣютъ управлять сохою, а не оружіемъ, хотя по виду и схожи съ каза-

ками. И тѣ и другіе носятъ узкіе, какъ фу файки, кафтаны, ниже колѣнъ, съ длинным отложнымъ воротникомъ, висящимъ до пояса. Половина ихъ имѣетъ ружья, по два фунта пороха, четыре фунта свинца и саблю. Другіе же находясь въ распоряженіи своихъ хозяевъ, вооружаются лукомъ, стрѣлами и рогатиной удобною только для встрѣчи медвѣдя, выходящаго изъ берлоги. Кромѣ того, въ случаѣ необходимости купцы поставляютъ людей отъ себя, сколько могутъ: иной трехъ, иной четырехъ, болѣе или менѣе.

Когда казаки приведутъ плѣнниковъ—что случается обычно въ началѣ Великаго поста— отъ которыхъ узнаютъ, собирается ли татаринъ, тогда, смотря по извѣстіямъ, русское правительство разсылаетъ приказъ по всей странѣ, чтобы еще во время снѣговъ доставляли на саняхъ съѣстные припасы въ тѣ город около которыхъ рѣшено ожидать врага. Провіантъ составляютъ: сухари, т.-е. хлѣбъ, изрѣзанный на мелкіе куски и высушенный в печкѣ; крупа ячная, просяная, а болѣе всего овсяная; толокно, т.-е. поджаренный и высушенный овесъ, измолотый въ муку. Толокно это употребляютъ разно: и въ видѣ кушанія, и въ видѣ напитка: смѣшавъ въ доброй чашѣ две или три горсти толокна съ водою и двумя или тремя щепотями соли, воины пьютъ эту смѣсь считая ее вкусною и здоровою. Употребляютъ также соленое и копченое мясо, баранье, свиное и рогатаго скота; масло, сыръ, истертый въ муку—его пьютъ съ супомъ; большое количество хлѣбнаго вина; наконецъ, сушеную и соленую рыбу, которую ѣдятъ сырою. Это пища

начальниковъ; воины же довольствуются сухарями, овсяною крупою и толокномъ, съ небольшимъ количествомъ соли.—Безъ подножнаго корма русскіе рѣдко выходятъ на войну съ татарами. То же самое соблюдаютъ они и въ войнахъ съ другими непріятелями, если только не бываетъ неожиданнаго вторженія. Чтобы содержать войско, царь ничего другого не тратитъ, какъ въ военное, такъ и въ мирное время, кромѣ наградъ за разныя услуги, напримѣръ: кто приведетъ плѣнника, убьетъ непріятеля, получитъ рану или отличится какъ-нибудь иначе, тому дарятъ деньги, смотря по заслугѣ, или кусокъ парчи, или другой шелковой матеріи на платье.

Цари русскіе имѣютъ сношеніе съ императоромъ римскимъ, королями англійскимъ, датскимъ и шахомъ персидскимъ. Прежде они были въ союзѣ съ королями польскимъ и шведскимъ: но теперь они съ ними въ дружбѣ только съ виду, такъ какъ не вѣрятъ другъ другу, ожидая объявленія войны каждый часъ. Между Россіей и Турціей въ теченіе 40 лѣтъ, были только два взаимныя посольства съ тѣхъ поръ, какъ турки сняли осаду Астрахани, которую жаждали съ помощью ногайскихъ татаръ и пятигорскихъ черкесовъ, т.-е. обитателей Грузіи; и хотя теперь войны нѣтъ, нѣтъ между ними ни сношеній, ни привѣтствій уже лѣтъ 30, словно они еще больше отдалены другъ отъ друга. За все это время русскій царь велъ войну только съ крымскими татарами и съ названными пятигорскими черкесами, или грузинами изъ-за четырехъ или пяти городовъ или крѣпостей, которые онъ построилъ на ихъ землѣ.

Главные изъ нихъ Терки и Самара. Въ 1605 г. грузины взяли одну крѣпость, ближайшую къ своимъ границамъ, при помощи турокъ; но это дѣло было не серьезное. Грузины—воинственны и хорошіе наѣздники (большинство изъ лошадей—жеребцы), воины вооружены легкими латами изъ крѣпкой стали, копьями и дротиками. Они могли-бы дѣлать весьма много вреда Россіи, хотя и отдѣляются Волгой, если были-бы столь же многочисленны, какъ и другіе ея сосѣди; обитаютъ они между Каспійскимъ и Чернымъ морями.

Вернемся, однако, къ Борису Ѳедоровичу. Принявъ царскую корону 1 сентября 1598 г., онъ началъ господствовать мирно, счастливѣе всѣхъ своихъ предшественниковъ. Но вскорѣ совершенно измѣнился: пересталъ лично выслушивать жалобы и просьбы, сталъ скрываться, рѣдко показывался народу, и то съ большими церемоніями и затрудненіями, неизвѣстными его предшественникамъ. Имѣя сына по имени Ѳедора Борисовича и дочь, онъ задумалъ породниться съ иностранными государями, думая этимъ утвердить и упрочить какъ себя, такъ и свое потомство на царскомъ престолѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ началъ ссылать людей, казавшихся ему подозрительными, заключалъ браки по своему желанію и соединялъ узами свойства со своимъ домомъ главнѣйшихъ, самыхъ нужныхъ вельможъ. Въ Москвѣ осталось не болѣе пяти или шести знатныхъ домовъ, съ которыми онъ не породнился; къ числу ихъ принадлежало семейство Мстиславскаго. Мстиславскій не былъ женатъ и имѣлъ двухъ сестеръ, одна изъ которыхъ была въ замуже-

твѣ за царемъ Симеономъ, другая же осталась незамужней: Борисъ велѣлъ ее противъ воли постричь въ монахини, а Мстиславскому запретилъ вступать въ бракъ. Былъ еще родъ Шуйскихъ, представленный тремя братьями. Желая сблизиться съ этимъ домомъ, Борисъ выдалъ за средняго брата, по имени Дмитрія, сестру своей супруги, а старшему не разрѣшилъ жениться:—то былъ князь Василій Ивановичъ Шуйскій, нынѣ царствующій въ Москвѣ, о которомъ будемъ говорить въ дальнѣйшемъ. Борисъ опасался, чтобы нѣсколько домовъ, соединяясь узами родства, не оказали бы ему сопротивленія. Наконецъ, онъ отправилъ въ ссылку царя Симеона, женатаго на сестрѣ Мстиславскаго. Въ день своего рожденія, которое празднуютъ во всей странѣ съ великимъ торжествомъ, царь порадовалъ сосланнаго царя Симеона, давъ ему надежду скораго освобожденія; при этомъ прислалъ ему при своемъ письмѣ испанскаго вина: Симеонъ и служитель его, выпивъ это вино за царское здоровье, оба въ короткое время ослѣпли; царь Симеонъ слѣпъ и посейчасъ. Я слышалъ объ этомъ изъ собственныхъ устъ его.

Во второй годъ своего царствованія Борисъ велѣлъ заманить въ Россію Густава, сына короля шведскаго Эрика (котораго низложилъ съ престола его родной братъ Іоаннъ, король шведскій),—въ надеждѣ выдать за него замужъ свою дочь, если бы нашелъ его отвѣчающимъ своимъ видамъ. Густавъ былъ принятъ весьма торжественно, получилъ драгоцѣнные дары отъ государя: серебряную посуду для своего дома, множество золотой и серебряной парчи пер-

скдской, бархата, атласа и другихъ шелковыхъ тканей для всей свиты, дорогіе каменья, золотыя цѣпи, жемчужныя ожерелья, красивыхъ коней со всѣмъ уборомъ, всякаго рода пушнины и 10,000 рублей деньгами, сумму маленькую по сравненію съ дарами. Онъ въѣхалъ въ Москву, какъ государь. Но онъ плохо держалъ себя. Въ концѣ концовъ его удалили, какъ опальнаго, въ городъ Угличъ, — мѣсто убіенія мнимаго Дмитрія Іоанновича,—гдѣ при хорошемъ хозяйствѣ онъ могъ имѣть до 4,000 руб. дохода ежегодно.

Въ 1600 году прибыло изъ Польши великое посольство; Левъ Сапѣга, нынѣ канцлеръ литовскій, заключилъ миръ на 20 лѣтъ. Онъ долго, противъ воли, задержался; пробылъ въ Москвѣ съ августа мѣсяца до конца великаго поста 1601 года, въ виду Борисовой болѣзни. Принимая отпускную грамоту, Сапѣга цѣловалъ царскую руку. Въ этотъ день Борисъ явился въ Пріемной Палатѣ на царскомъ тронѣ, съ короною на головѣ, со скипетромъ въ рукѣ; держава лежала передъ нимъ, сынъ сидѣлъ подлѣ него по лѣвую сторону; члены Боярской Думы и окольничіе занимали мѣста кругомъ всей палаты на скамьяхъ и были одѣты въ одежды изъ драгоцѣнной парчи, обшитой жемчугомъ, въ высокихъ черно-лисьихъ шапкахъ. По обѣимъ сторонамъ государя стояли по два молодыхъ вельможи, одѣтыхъ въ бархатные бѣлые кафтаны, обложенные кругомъ на полфута шириною горностаемъ, въ высокихъ бѣлыхъ шапкахъ, съ двумя большими золотыми цѣпями, висѣвшими на груди крестъ-на-крестъ: каждый изъ нихъ держалъ дорогія сѣкиры изъ дамасской стали, под-

нятыя на плечо, будто для удара. Это представляло государево величіе. Обширная палата, гдѣ проходитъ послы, наполнена скамьями, на которыхъ сидятъ другіе дворяне, также одѣтые въ парчевыя платья—иначе нельзя приходить во дворецъ. Пока посолъ шествуетъ, они сидятъ неподвижно, соблюдая столь глубокое молчаніе, что зала кажется пустою. Такъ обычно принимаются послы. Сапѣга обѣдалъ въ присутствіи царя, вмѣстѣ съ своей свитей до 300 человѣкъ. Всѣмъ подносили угощенія на золотой посудѣ, которой весьма много—разумѣю блюда; о тарелкахъ и салфеткахъ нечего и говорить; самъ царь ихъ не употреблялъ;—ѣли весьма хорошую рыбу, но худо приготовленную: это случилось постомъ, когда не ѣдятъ ни яицъ, ни масла, ни молока; выпивъ достаточно за здравіе обоихъ государей, Сапѣга отправился съ добрыми и честными дарами.

Слѣдуетъ замѣтить, что по старинному обычаю, царскіе пиры бываютъ весьма роскошны; прислуживаютъ 200 или 300 дворянъ, одѣтыхъ въ кафтаны изъ золотой и серебряной персидской парчи, съ длинными воротниками, висящими по спинѣ на добрыхъ полфута и унизанныхъ жемчугомъ. На головѣ у нихъ по двѣ шапки; одна—круглая, вышитая жемчугомъ, безъ полей, похожая на суповую миску; другая высокая изъ чернаго лисьяго мѣха; ею покрываютъ сверху первую; на грудь же вѣшаютъ большія золотыя цѣпи. Это число двѣсти-триста можетъ быть увеличено согласно числу гостей. Они подаютъ яства государю и держатъ ихъ до тѣхъ поръ, пока онъ не потребуетъ того или другого блюда. Порядокъ пира слѣдующій:

когда царь сядетъ за столъ, и послы или другія приглашенныя лица тоже займутъ свои мѣста,—названные дворяне въ вышеупомянутомъ уборѣ подходятъ по два въ рядъ къ царскому столу, отвѣшиваютъ низкій поклонъ и удаляются одинъ за другимъ въ кухню за яствами, которыя подносятъ потомъ государю. Но прежде, чѣмъ подадутъ кушанія, ставятъ на столы въ серебряныхъ кувшинахъ водку; ее наливаютъ въ небольшія чарки и пьютъ предъ обѣдомъ.—На столахъ, исключая хлѣба, соли, уксуса и перца, нѣтъ ничего, ни тарелокъ, ни салфетокъ. Въ то время какъ гости пьютъ водку, царь разсылаетъ каждому изъ нихъ отдѣльно кусокъ хлѣба, называя по имени того, кому назначенъ этотъ кусокъ; тотъ встаетъ— и ему подносятъ хлѣбъ со словами: *Царь Государь и Великій Князь Всея Руси жалуетъ тебя.* Жалуемый беретъ хлѣбъ, отвѣшиваетъ низкій поклонъ и садится; также подносятъ и прочимъ. Потомъ, когда царь по такому же порядку раздастъ главнымъ особамъ по одному блюду съ кушаніемъ, на всѣ столы ставятъ яства во многомъ множествѣ. Затѣмъ царь посылаетъ каждому отдѣльно кубокъ, наполненный испанскимъ виномъ, съ тѣми же словами и обрядами, какъ выше сказано. Когдѣ обѣдъ зайдетъ за половину, царь разошлетъ гостямъ снова по большой чашѣ съ какимъ-нибудь краснымъ медомъ (онъ бываетъ разныхъ сортовъ). Послѣ этого приносятъ и ставятъ по столамъ огромныя серебряныя ведра съ бѣлымъ медомъ, который черпаютъ ковшами. По мѣрѣ того, какъ одни сосуды опоражниваются, подаютъ другіе съ напитками, болѣе или менѣе крѣпкими, какихъ

пожелаютъ пирующіе. Потомъ царь посылаетъ каждому гостю третью чашу съ крѣпкимъ медомъ или ароматнымъ виномъ; а послѣ обѣда четвертую и послѣднюю, наполненную *паточнымъ* медомъ, напиткомъ весьма вкуснымъ, легкимъ и, какъ вода ключевая, прозрачнымъ. Въ заключеніе царь жалуетъ блюдо кушанія каждому изъ пирующихъ, которое тотъ относитъ домой; при этомъ яства, даримыя лицамъ особо приближеннымъ, царь сначала самъ отвѣдываетъ. Какъ при этомъ случаѣ, такъ и въ продолженіе всего пира, повторяются тѣ же слова, о коихъ упомянуто выше. Кромѣ гостей, царь посылаетъ по одному блюду на домъ каждому дворянину и вобще всѣмъ лицамъ, которыя пользуются его милостью. Эти такъ называемыя *подачи* совершаются не только во время праздника, но и всякій день непремѣнно.

Если государь, по окончаніи торжественнаго пріема, не намѣренъ угощать посла, согласно обычаю, то посылаетъ обѣдъ къ нему на домъ по такому порядку: знатный дворянинъ въ парчевой одеждѣ, съ вышитымъ воротникомъ, въ шапкѣ, унизаной жемчугомъ, отправляется верхомъ объявить послу царское милостивое слово и вмѣстѣ съ нимъ обѣдать; 15 или 20 служителей идутъ вокругъ его лошадей, а за ними шествуютъ попарно: двое съ скатертями, сложенными свиткомъ, двое съ солонками; двое съ уксусомъ въ склянкахъ; двое съ парою ножей и парой ложекъ драгоцѣнныхъ; шесть человѣкъ съ хлѣбомъ; потомъ съ водкой; за ними несутъ дюжину серебряныхъ сосудовъ, въ три шопина каждый, наполненныхъ разными очень крѣпкими винами, испанскимъ, канарскимъ и

другими. Затѣмъ столько же огромныхъ бокаловъ нѣмецкой работы. Далѣе кушанія: холодныя (ихъ подаютъ сначала), горячія, жареное и пирожное—все въ большихъ серебряныхъ блюдахъ; а въ случаѣ особаго царскаго благоволенія вся посуда бываетъ золотая. Далѣе несутъ до 18 или 20 большихъ жбановъ, въ которыхъ налитъ медъ разныхъ сортовъ: ихъ поднимаютъ каждый два человѣка; за ними идутъ человѣкъ 12, каждый съ 5 или 6 большими ковшами. Шествіе заключаютъ двѣ или три телѣги съ медомъ и пивомъ для прислуги. Всѣ припасы несутъ стрѣльцы, весьма чисто одѣтые. Я видѣлъ человѣкъ 300 или 400, которые такимъ порядкомъ несли кушанія и напитки для одного обѣда: видалъ также, что въ одинъ день посылали три обѣда разнымъ посламъ, одному болѣе, другому менѣе, но всегда тѣмъ же порядкомъ, какъ было сказано выше.

Въ 1601 году начался великій голодъ, продолжавшійся три года; мѣра хлѣба поднялась въ цѣнѣ отъ 15 су до 3 руб., т.-е. до 20 ливровъ. Въ эти три года случались событія почти невѣроятныя; казалось почти обычнымъ, если мужъ бросалъ жену и дѣтей, если жена убивала мужа, а мать—своихъ дѣтей, и съѣдали ихъ. Я самъ былъ свидѣтелемъ, какъ четыре женщины, мои сосѣдки, брошенныя мужьями, рѣшились на слѣдующій поступокъ: одна пошла на рынокъ и, сторговавши возъ дровъ, зазвала крестьянина на свой дворъ, обѣщая отдать ему деньги; но только онъ сложилъ дрова и зашелъ въ избу, чтобы получить плату, какъ женщины удавили его и спрятали въ погребъ, чтобы тѣло не повредилось: сперва хотѣли съѣсть лошадь

...таго, а потомъ приняться за трупъ. Когда ... преступленіе открылось, онѣ признались, ...о трупъ этого крестьянина былъ уже третьимъ.—Голодъ былъ такъ великъ, что, не считая умершихъ въ другихъ городахъ, въ одной Москвѣ погибло отъ него болѣе 120,000 людей; ихъ похоронили за городомъ на трехъ кладбищахъ за счетъ государя, приказавшаго выдавать даже саваны для погребенія. Причиной столь большой смертности въ Москвѣ было то, что царь Борисъ приказалъ раздавать ежедневно милостыню всѣмъ бѣднымъ обитателямъ столицы, каждому по московкѣ, иначе около 7 денаріевъ. Услышавъ о такой щедрости государя, всѣ устремились въ Москву, хотя нѣкоторые имѣли возможность кормиться; прибывъ же въ столицу, не могли содержать себя на означенные 7 деньє, не взирая на то, что въ каждый большой праздникъ и воскресенья получали по деньгѣ, т.-е. вдвое; поэтому, падая отъ большого истощенія, одни умирали на улицахъ, другіе дорогою на обратномъ пути. Наконецъ, Борисъ, повѣдавъ, что со всего государства народъ двинулся въ Москву на явную смерть, оставляя города и села, повелѣлъ раздачи прекратить. Тогда предстало небывалое зрѣлище: всюду по дорогамъ находили мертвыхъ и умирающихъ отъ голода и холода. Сумма, выданная Борисомъ для бѣдныхъ, невѣроятна; не говоря о Москвѣ, во всей Россіи не было города, куда бы онъ не посылалъ болѣе или менѣе денегъ для пропитанія бѣдныхъ. Мнѣ извѣстно, что въ Смоленскъ отправлено было съ однимъ изъ моихъ знакомыхъ 20,000 рублей. Къ чести этого царя должно замѣтить,

что онъ охотно раздавалъ щедрыя милостыни и награждалъ духовенство, которое также было ему предано. Голодъ сильно подорвалъ и силы Россіи и доходы государя.

Въ началѣ августа 1602 года посѣтилъ Россію герцогъ Іоаннъ, братъ Христіана, короля датскаго, хотѣвшаго жениться на царской дочери. Онъ встрѣченъ былъ съ великими почестями, по русскому обычаю; въ свитѣ его находилось около 200 человѣкъ, а почетная стража состояла изъ 24 стрѣльцовъ и 24 алебардщиковъ. Черезъ три дня послѣ пріѣзда герцогъ имѣлъ аудіенцію у Его Величества, который принялъ его ласково, называя сыномъ, и посадилъ рядомъ съ царевичемъ. По окончаніи пріема гость обѣдалъ вмѣстѣ съ государемъ. Этого никогда не бывало прежде, такъ какъ по рускимъ обычаямъ никто, исключая сыновей, не можетъ сидѣть за столомъ царя. Послѣ угощенія герцогъ, щедро одаренный, отправился въ назначенный ему домъ. Дней черезъ 15 онъ сдѣлался боленъ, какъ думаютъ, отъ неумѣренности и вскорѣ умеръ. Царь навѣстилъ его трижды во время болѣзни, вмѣстѣ съ сыномъ; долго сокрушался и прогнѣвался на всѣхъ медиковъ. Не дозволивъ бальзамировать усопшаго, — ибо это не согласно съ русокою вѣрою,—Борисъ велѣлъ схоронить его въ нѣмецкой церкви, версты двѣ за городомъ: все дворянство слѣдовало за гробомъ до означенной церкви и присутствовало до конца всей церемоніи. Три недѣли царь и знать носили трауръ. Немного времени спустя скончалась царица—сестра его, вдова царя Ѳеодора Іоанновича: она погребена въ Дѣвичьемъ монастырѣ.

Между тѣмъ, недовѣрчивость и подозрительность царя все возрастали: Борисъ не разъ удалялъ Шуйскихъ, считалъ ихъ наиболѣе для него опасными, хотя второй братъ изъ нихъ женатъ былъ на царской своячепицѣ; подвергалъ много невинныхъ людей пыткамъ только за то, что они изрѣдка посѣщали Шуйскихъ, даже и въ то время, когда послѣдніе были въ милости. Ни одинъ медикъ не осмѣливался подъ страхомъ ссылки посѣщать и пользовать вельможъ безъ именного приказанія государя: во всей Россіи никогда не было другихъ аптекъ и лѣкарей, кромѣ царскихъ. Наконецъ, съ 1600 года, когда разнеслась молва о Димитріи Іоанновичѣ, Борисъ занимался ежедневно только истязаніями и пытками: тогда холопъ, клеветавшій на своего господина въ надеждѣ сдѣлаться свободнымъ, получалъ отъ царя вознагражденіе, а господина его или главнаго изъ служителей дома подвергали пыткѣ, чтобы исторгнуть признаніе въ томъ, чего они никогда не дѣлали, не слыхали и не видали. Мать Димитрія взяли изъ монастыря и удалили за 600 верстъ отъ Москвы. Весьма немногія изъ знатныхъ семействъ спаслись отъ подозрѣній тирана, представлявшагося весьма милостивымъ; во время своего царствованія, до появленія Димитрія въ Россіи, онъ не казнилъ публично и десяти человѣкъ, кромѣ нѣсколькихъ воровъ, пойманныхъ изъ числа 500 человѣкъ и повѣшенныхъ. Но тайно онъ рѣшалъ весьма многихъ, однихъ отправлялъ въ ссылку, другихъ отравлялъ ядомъ и безчисленное множество утопилъ; однако не нашелъ себѣ облегченія.

Наконецъ, въ 1604 году обнаружилось, чего

онъ такъ опасался: Димитрій Іоанновичъ, сынъ царя Іоанна Васильевича, котораго считали убитымъ въ городѣ Угличѣ, отъ границъ Подоліи вступилъ въ Россію съ 4,000 воиновъ. Прежде всего онъ осадилъ крѣпость, по названію Черниговъ, которая ему сдалась, затѣмъ сдалась другая крѣпость; послѣ этого Димитрій подошелъ къ Путивлю, городу весьма большому и богатому, который также сдался. Многія другія крѣпости, какъ-то: Рыльскъ, Кромы, Карачевъ, а также съ татарскихъ границъ—Царевъ Борисовъ, Бѣлгородъ, Ливны и др. ему сдались. Увеличивъ такимъ образомъ свои силы, онъ осадилъ построенную на горѣ крѣпость Новгородъ Сѣверскій, гдѣ начальствовалъ Петръ Өедоровичъ Басмановъ, оказавшій такое сопротивленіе. что Димитрій не могъ овладѣть Новгородомъ, Между тѣмъ царское войско 15 декабря расположилось въ 10 верстахъ отъ его арміи. Князь Өедоръ Ивановичъ Мстиславскій, главнокомандующій войскомъ, ожидалъ еще покрѣпленія; по 20 числа двѣ арміи сошлись. Послѣ двухъ или трехъ часовъ битвы непріятели отступили безъ значительнаго урона. Но Димитрій упустилъ выгодный случай, изъ-за неопытности своихъ капитановъ въ военномъ искусствѣ. Во время схватки три польскихъ отряда бросились на одинъ рускій батальонъ такъ стремительно, что опрокинули его на правое крыло и потомъ на главный корпусъ; вслѣдствіе безпорядка и смущенія вся царская армія, за исключеніемъ лѣваго крыла, поколебалась и обратила врагамъ тылъ. Если бы другіе 400 всадниковъ ударили во флангъ или въ другой батальонъ, уже полу-

разстроенный, то нѣтъ сомнѣнія, что четыре отряда разбили бы все русское войско. Главнокомандующій Мстиславскій, сбитый съ коня, получилъ три или четыре раны въ голову и былъ спасенъ отъ плѣна стрѣльцами. Казалось, у русскихъ не было рукъ для сѣчи, хотя число ихъ простиралось отъ 40 до 50,000. Оба войска, разойдясь въ разныя стороны, ничего не дѣлали до Рождества. Въ Москву были отправлены плѣнники, въ числѣ ихъ капитанъ польской кавалеріи Домарацкій.

28 декабря Димитрій Іоанновичъ снялъ осаду Новгорода, видя, что не можетъ болѣе ничего сдѣлать, и удалился въ весьма плодородную Сѣверскую область, гдѣ большая часть поляковъ его оставила. Несмотря на это, онъ собралъ всѣ силы, сколько могъ, — русскихъ, поляковъ, казаковъ и присоединившихся крестьянъ, обученныхъ владѣть оружіемъ. Армія Бориса усиливалась ежедневно, у него была еще армія у Кромъ. Войска его преслѣдовали Димитрія, но такъ медленно, что, казалось, не имѣли охоты сражаться. Цѣлый мѣсяцъ блуждали по лѣсамъ и дубравамъ и, наконецъ, снова приблизились къ непріятельскому отряду. Димитрій, узнавъ, что войско Борисово расположено въ такой мѣстности, что не можетъ двигаться, рѣшилъ ночью внезапно напасть на него и приказалъ тамошнимъ жителямъ, знавшимъ всѣ выходы, поджечь село; но дозоры замѣтили поджигателей. На разсвѣтѣ 21 января 1605 года войска сразились. Послѣ небольшой стычки, когда началась съ обѣихъ сторонъ пушечная пальба, Димитрій приказалъ своей главной конницѣ спуститься въ долину и

отрѣзать царскую рать отъ деревни. Замѣтивъ это, Мстиславскій двинулъ впередъ правое крыло, съ двумя отрядами иноземцевъ, и предупредилъ непріятеля. Но польскій предводитель, видя, что предупрежденъ, рѣшился на крайнее средство и съ десяткомъ знаменъ бросился на правое крыло русскихъ съ такою яростью, что оно послѣ нѣкотораго сопротивленія иноземцевъ разбѣжалось; и между тѣмъ, какъ главная рать царская стояла неподвижно, въ какомъ-то безчувственномъ оцѣпенѣніи, поляки повернули вправо къ селу, гдѣ находилась большая часть русской пѣхоты съ нѣсколькими орудіями. Допустивъ непріятеля весьма близко, она дала залпъ изъ 10 или 12,000 ружей, произведшій такую панику среди поляковъ, что они поворотили коней въ совершенномъ разстройствѣ. Остальные поляки, пѣшіе и конные, думая, что дѣло выиграно, приближались со всей возможной скоростью. Увидавъ столь безпорядочное бѣгство своихъ, они поспѣшили удалиться, но были преслѣдуемы 5 или 6,000 всадниковъ на пространствѣ 7 или 8 верстъ. Димитрій потерялъ почти всю свою пѣхоту, 15 знаменъ и штандартовъ, 13 пушекъ, оставивъ на мѣстѣ 5 или 6.000 убитыми, кромѣ плѣнныхъ. Изъ числа послѣднихъ русскіе были повѣшены среди войска, а остальныхъ вмѣстѣ съ знаменами, трубами и барабанами торжественно водили по столицѣ.

Димитрій съ остаткомъ арміи удалился въ Путивль, гдѣ оставался до мая мѣсяца. Армія же Бориса осаждала Рыльскъ, покорившійся Димитрію, но ничего въ 15 дней не сдѣлавъ, сняла осаду; полководцы хотѣли распустить на нѣ-

сколько мѣсяцевъ свое войско, весьма утомленное. Борисъ, узнавъ объ этомъ, строго запретилъ увольнять воиновъ. Итакъ, послѣ недолгаго отдыха въ Сѣверской землѣ, Мстиславскій и князь Василій Ивановичъ Шуйскій, присланный къ нему изъ Москвы въ товарищи, двинулись къ другой арміи, которая, услышавъ о пораженіи Димитрія, осадила Кромы. Соединенныя войска остановились около этого города и занимались дѣлами, достойными смѣха, вплоть до самой кончины Бориса Ѳедоровича, умершаго отъ апоплексіи въ субботу, 23 апрѣля того же года.

Прежде чѣмъ продолжать, замѣтимъ, что среди русскихъ вовсе не бываетъ поединковъ,—во-первыхъ, потому, что ходятъ всегда безоружными, исключая военнаго времени или путешествія; во-вторыхъ, потому, что оскорбленный словами или другимъ образомъ обращается къ суду, который опредѣляетъ виновному наказаніе, именуемое безчестіемъ. Оно обыкновенно зависитъ отъ воли обиженнаго; иногда виновнаго сѣкутъ батожьемъ, что происходитъ слѣдующимъ образомъ: обнаживъ спину до рубахи, кладутъ провинившагося на землю ничкомъ, два человѣка держатъ его за голову и за ноги, а другіе въ присутствіи судьи, истца и постороннихъ лицъ дерутъ ему спину прутьями толщиною въ палецъ до тѣхъ поръ, пока судья скажетъ: стой. Иногда же обвиняемымъ обиженному уплачивается сумма въ размѣрѣ оклада, получаемаго послѣднимъ отъ государя, и, сверхъ того, женѣ его вдвое: кому даютъ отъ казны 15 рублей ежегодно, тому и безчестія 15 рублей, да женѣ его 30, стало быть, всего 45 рублей. Такъ поступаютъ всегда, соразмѣрно жалованью. Но бываютъ такія обиды,

что виновнаго сѣкутъ среди города кнутомъ и, взыскавъ означенную пеню, отправляютъ въ ссылку. Въ случаѣ же поединка между иностранцами (что видѣлъ я за 6 лѣтъ однажды) тотъ, кто ранитъ другого—вызвавшаго, или вызваннаго, все равно,—наказывается, какъ уголовный преступникъ, и ничѣмъ оправдать себя не можетъ: еще болѣе: если кто-либо поноситъ другого бранью, запрещено бить его даже рукою подъ опасеніемъ вышеупомянутаго взысканія; если же это случится, при чемъ другой самъ отвѣтитъ ударомъ, и дѣло дойдетъ до жалобы—тогда обоихъ наказываютъ тѣлесно или денежною пенею въ казну для того, чтобы оскорбленный, какъ говорятъ русскіе, самовольною расправою не присвоивалъ себѣ власти правосудія, которое одно имѣетъ право разбирать и преслѣдовать преступленія. И потому судъ въ случаѣ споровъ, обидъ и оскорбленій бываетъ гораздо скорѣе и строже, нежели въ другихъ дѣлахъ. Это соблюдается весьма тщательно не только въ городахъ въ мирное время, но и въ военное, по отношенію къ воинамъ, т.-е. дворянамъ (за безчестіе простолюдина и гражданина платятъ не болѣе 2 рублей). Справедливо и то, что русскіе не любятъ придираться къ словамъ: они весьма просты въ обхожденіи и всякому говорятъ—ты; а прежде были еще проще. Если имъ случалось иногда слышать что-либо сомнительное или несправедливое, то вмѣсто словъ: ваше мнѣніе, или извините, или другихъ учтивыхъ выраженій, они отвѣчали наотрѣзъ: ты лжешь. Такъ говорилъ даже слуга своему господину. И хотя Іоаннъ Васильевичъ былъ прозванъ и считался тираномъ, однако и онъ не гнѣвался на подобныя

грубости. Но теперь, когда среди нихъ появились иностранцы, русскіе отвыкаютъ отъ грубости, бывшей въ обычаѣ лѣтъ за двадцать или тридцать.

По смерти Бориса, князья Мстиславскій и Шуйскій, были немедленно отозваны вдовствующей царицей и Ѳедоромъ Борисовичемъ, сыномъ умершаго: армія же не была увѣдомлена о смерти. 27 прибылъ въ армію, какъ для того, чтобы принять присягу отъ войскъ, такъ и для того, чтобы заступить мѣсто отозванныхъ — Петръ Ѳедоровичъ Басмановъ (бывшій начальникомъ Новгорода во время осады его Димитріемъ) съ товарищемъ. Армія принесла присягу вѣрности и повиновенія Ѳедору Борисовичу, признавая его государемъ. Новый царь прислалъ войску ласковыя грамоты, убѣждая ихъ служить ему столь же вѣрно, какъ и покойному отцу его Борису Ѳедоровичу, обѣщая наградить каждаго щедро, по прошествіи шестинедѣльнаго траура.

17 мая князь Василій Ивановичъ *) Голицынъ и Петръ Ѳедоровичъ Басмановъ со многими другими передались Димитрію Іоанновичу, плѣнивъ воеводъ, Ивана Годунова и Михайла Салтыкова. Остальные воеводы и воины обратились въ бѣгство къ Москвѣ, оставивъ всѣ орудія и снаряды въ окопахъ. Многіе города и крѣпости покорялись Димитрію, шедшему отъ Путивля съ шестью отрядами польской кавалеріи, числомъ до 600 человѣкъ, съ нѣсколькими казаками донскими и днѣпровскими и немногими русскими. Прибывъ къ покорившейся арміи, онъ приказалъ немедленно распустить недѣли на двѣ иля на

*) Надо: Иванъ Васильевичъ.

три тѣхъ воиновъ, которые имѣли помѣстья подъ Москвою, другихъ же отправилъ къ столицѣ съ приказаніемъ пресѣчь подвозъ съѣстныхъ припасовъ; а самъ между тѣмъ подвигался къ ней медленно съ двухтысячнымъ отрядомъ и разсылалъ ежедневно грамоты къ дворянству и простому народу, обѣщая милость покорнымъ, угрожая Божіимъ и царскимъ гнѣвомъ остающимися строптивыми и мятежными. Народъ, получивъ одну изъ сихъ грамотъ, собирался на площади передъ дворцомъ. Тщетно Мстиславскій, Шуйскій, Бѣльскій и другіе хотѣли укротить волненіе: прочитавъ грамоту всенародно, москвичи, возбуждая другъ друга, ворвались во дворецъ, захватили плѣнниками царицу, вдову Борисову съ ея сыномъ и дочерью; взяли подъ стражу Годуновыхъ, Сабуровыхъ, Вельяминовыхъ—ближайшихъ родственниковъ,—и все, что могли найти, разграбили.

Димитрій Іоанновичъ былъ въ Тулѣ за 160 верстъ отъ Москвы, когда получилъ эти извѣстія, и отправилъ князя Василія Голицына для приведенія города къ присягѣ. Между тѣмъ всѣ вельможи устремились навстрѣчу къ Димитрію до самой Тулы. 20 іюня были задушены (какъ думаю) вдовствующая царица и сынъ ея Ѳедоръ Борисовичъ; молву же распространили, что они сами приняли ядъ. Дочь Бориса находилась подъ стражей, всѣхъ же родственниковъ сослали въ разныя мѣста. Тѣло Бориса Ѳедоровича, по просьбѣ вельможъ, вырыли изъ Архангельскаго собора—мѣста погребенія великихъ князей и царей,—и похоронили въ другой церкви.

Наконецъ, 30 іюня Димитрій Іоанновичъ вступилъ въ столицу. Прибывъ сюда, онъ при-

казалъ немедленно Мстиславскому, Шуйскому, Воротынскому, Масальскому и другимъ привезти государыню, свою матушку, изъ монастыря, удаленнаго отъ Москвы на 600 верстъ; онъ выѣхалъ ей навстрѣчу за версту отъ города. Поговоривъ съ сыномъ около четверти часа, въ присутствіи всѣхъ вельможъ и гражданъ, она сѣла въ карету, а царь и вся знать провожали ее пѣшкомъ до самаго дворца; здѣсь она жила до тѣхъ поръ, пока не приготовили для нея монастырь, гдѣ погребена супруга царя Ѳедора Іоанновича, сестра Бориса.—Въ послѣдній день іюля Димитрій короновался, но безъ особыхъ церемоній: только вся дорога отъ покоевъ до церкви Богоматери и Архангельскаго собора была устлана по червленной ткани персидскою парчею. По прибытіи государя въ храмъ Богоматери, гдѣ ожидалъ его патріархъ со всѣмъ духовенствомъ, и по совершеніи молитвы съ разными обрядами, принесли изъ казны корону, скипетръ и державу и все это вручили Димитрію. По выходѣ отсюда въ Архангельскій соборъ бросали на дорогу золотыя небольшія монеты, цѣною въ пол-экю, въ экю и два экю, нарочно выбитыя для этого случая (въ Россіи вообще не дѣлаютъ золотой монеты). Изъ Архангельскаго собора Димитрій возвратился во дворецъ, гдѣ былъ столъ, накрытый для всѣхъ, кто могъ за нимъ помѣститься. Таковъ обычай при коронаціи.

Немало времени спустя въ присутствіи выборныхъ чиновъ изъ всѣхъ сословій князя Василія Шуйскаго судили и признали виновнымъ въ оскорбленіи величества. Царь Димитрій Іоанновичъ повелѣлъ отрубить ему голову, а двухъ братьевъ его сослать въ заточеніе. На четвертый

день послѣ приговора Шуйскаго вывели на площадь, и когда уже положили его на плаху, объявлено было прощеніе, по ходатайству царской матери, поляка Бучинскаго и другихъ особъ; вмѣсто того онъ былъ отправленъ вмѣстѣ съ братьями въ ссылку, гдѣ однако пробылъ недолго. Это была самая крупная ошибка, которую сдѣлалъ царь Димитрій, такъ какъ поступокъ этотъ повелъ къ его собственной гибели.

Въ то же время царь отправилъ въ Польшу посломъ Аѳанасія Ивановича Власьева для исполненія, какъ думаютъ, тайнаго договора, заключеннаго съ воеводою Сандомирскимъ: Димитрій за содѣйствіе при завоеваніи государства обѣщалъ жениться на его дочери, какъ скоро съ помощію Божіею онъ вступилъ на престолъ отца своего, Іоанна Васильевича. Аѳанасій прибылъ ко двору и велъ переговоры столь удачно, что въ Краковѣ состоялось торжественное обрученіе въ присутствіи самого короля польскаго. Между тѣмъ Димитрій для охраны своей особы учредилъ иноземную стражу, отрядъ изъ ста стрѣлковъ, которымъ я имѣлъ честь командовать, и двѣ сотни алебардщиковъ, дотолѣ неизвѣстныхъ въ Россіи. Бояре, не смѣвшіе въ правленіе Бориса вступать въ бракъ, получили отъ Димитрія разрѣшеніе. Мстиславскій женился на двоюродной сестрѣ царской матери, которая два дня сряду присутствовала на свадьбахъ: Василій Шуйскій, освобожденный изъ заточенія и столь же милостиво принятый при дворѣ, какъ и прежде, успѣлъ обручиться съ дѣвицею изъ рода Нагихъ; свадьба его должна была быть отпразднована черезъ мѣсяцъ послѣ царской. Только и слышно было о бракахъ и веселіи къ удоволь-

ствію каждаго. Димитрій мало-по-малу давалъ чувствовать, что это страна свободная, управляемая милосерднымъ государемъ. Ежедневно разъ или два онъ посѣщалъ царицу, мать свою. Иногда казалось, что Димитрій слишкомъ запросто обходился съ вельможами, которые воспитывались и выростали въ такомъ униженіи и страхѣ, что при царѣ почти не смѣли сказать слова безъ приказанія; впрочемъ, въ случаѣ надобности, онъ умѣлъ являть величіе и достоинство, свойственное государю; онъ былъ уменъ и такъ разуменъ, что являлся учителемъ для всего своего совѣта; несмотря на это стали открываться происки: схваченъ былъ одинъ дьякъ или секретарь, котораго пытали въ присутствіи государя, но онъ не сознался и не выдалъ главу Петра Ѳедоровича Басманова, главнаго любимца заговора, которымъ былъ, какъ выяснилось впослѣдствіи, Василій Шуйскій. Секретарь этотъ былъ отправленъ въ ссылку.

Наконецъ, къ предѣламъ Россіи прибыла государыня со своимъ отцомъ, братомъ, зятемъ, по имени Вишневецкимъ, и многими другими вельможами. 20 апрѣля Михайло Игнатьевичъ Татищевъ, вельможа до тѣхъ поръ весьма любимый государемъ, впалъ въ немилость за дерзкое слово, сказанное Димитрію въ защиту князя Василія Шуйскаго во время ихъ спора о жареной телятинѣ, поданной на столъ, вопреки русскимъ обычаямъ. Въ день Пасхи Татищевъ получилъ прощеніе, по ходатайству Петра Ѳедоровича Басманова. Но всѣ догадывались, даже и самъ Димитрій (хотя онъ и былъ государь мало подозрительный), что Татищевъ задумалъ какое-то злое дѣло; ибо никогда прежде онъ такъ не посту-

палъ, какъ дней за 15 до своей опалы. Возвращеніе Татищева было такой же важной ошибкою, какъ и помилованіе Шуйскаго: всѣ знали его злое сердце, не забывавшее никакой обиды.

Въ концѣ апрѣля царь Димитрій получилъ извѣстіе, что между Казанью и Астраханью собралось до 4 тысячъ казаковъ. Эти казаки, какъ и всѣ тѣ вообще казаки, о которыхъ мы до сихъ поръ говорили, сражаются пѣшими, а не конными, какъ тѣ, которые, подъ именемъ казаковъ, обитаютъ въ Подоліи и Черной Россіи подъ властью польскаго короля, воюютъ то тамъ, то здѣсь, въ Трансильваніи, Валахіи, Молдавіи и др. земляхъ. Казаки, упоминаемые въ настоящемъ сочиненіи, издавна одѣваются и вооружаются, какъ татары, обороняясь единственно саблями и только съ недавняго времени употребляютъ ружья. Они разбойничали по Волгѣ и распускали молву, что съ ними находится юный государь, именемъ царь Петръ,—истинный сынъ (по ихъ словамъ) царя Θедора Іоанновича, сына Іоанна Васильевича, и сестры Бориса Θедоровича, правившаго послѣ Θедора, родившійся около 1588 г. и тайно подмѣненный дѣвочкой (умершею на 3 году, какъ было выше сказано). Если бы казаки говорили правду, то царю Петру было бы 16 или 17 лѣтъ; но имъ хотѣлось только подъ этимъ предлогомъ грабить страну вслѣдствіе неудовольствія Димитріемъ, не давшимъ имъ такой награды, какой они желали. Тѣмъ не менѣе государь послалъ къ самозванцу письмо, увѣдомляя, что если онъ истинный сынъ Θедора Іоанновича, его брата, то пускай пожалуетъ въ Москву, и что для продовольствія его въ дорогѣ дано будетъ все необходимое, называемое

кормомъ; если же онъ обманщикъ, то пусть удалится отъ русскихъ предѣловъ. Пока гонцы скакали туда и обратно, несчастный Димитрій былъ умерщвленъ, о чемъ мы и будемъ говорить въ дальнѣйшемъ. Впрочемъ, до моего отъѣзда изъ Россіи эти казаки взяли и разграбили 3 волжскихъ крѣпости, захватили нѣсколько небольшихъ орудій и много военныхъ снарядовъ и наконецъ разсѣялись: большая часть удалилась въ Татарскія степи, другіе овладѣли крѣпостью, на пути между Казанью и Астраханью, въ надеждѣ грабить купцовъ, отправлявшихся торговать въ Астрахань, или по крайней мѣрѣ брать съ нихъ какой-нибудь выкупъ. Въ Архангельскѣ же я узналъ, что волненіе утихло и что казаки смирились.

Царица, супруга Димитрія, вступила въ Москву 12 мая, въ пятницу, съ такимъ великолѣпіемъ, какого прежде въ Россіи не видывали: ея карету везли 10 ногайскихъ лошадей, всѣ бѣлыя съ черными пятнами, какъ тигры и леопарды, столь похожія одна на другую, что ихъ нельзя было различить. Ее сопровождали четыре отряда польскихъ всадниковъ, богато одѣтыхъ, на быстрыхъ коняхъ, и отрядъ гайдуковъ для ея охраны. Въ свитѣ находились многіе вельможи. Царица остановилась въ монастырѣ царицы-матери государя и жила тамъ до 17 мая, когда заняла во дворцѣ свою половину. На другой день она была коронована съ тѣми же обрядами, какъ и государь. Ее вели подъ руки справа посолъ короля польскаго, кастелянъ Малаговскій, слѣва супруга Мстиславскаго; по выходѣ же изъ церкви, за правую руку велъ ее самъ царь Димитрій, а лѣвую поддерживалъ Василій Шуй-

скій. Въ праздникѣ этого дня участвовали одни русскіе. 19 мая начались брачныя торжества въ присутствіи всѣхъ поляковъ, исключая посла, который былъ недоволенъ тѣмъ, что царь не хотѣлъ посадить его за свой столъ, хотя по русскимъ обычаямъ никакой посолъ не можетъ обѣдать вмѣстѣ съ государемъ; однако жъ кастелянъ Малаговскій, посолъ польскаго короля, не переставалъ говорить Димитрію, что король польскій удостоилъ русскаго посла чести сидѣть при обрученіи за столомъ королевскимъ. Въ субботу и воскресенье Малаговскій пировалъ во дворцѣ, за особеннымъ столомъ подлѣ ихъ величествъ.

Въ это время Димитрій, увѣдомленный какъ своимъ тестемъ, воеводой Сандомирскимъ и своимъ секретаремъ, такъ и Басмановымъ и другими лицами о какихъ-то замыслахъ противъ него, повелѣлъ взять нѣкоторыхъ людей подъ стражу; впрочемъ, казалось, онъ не придалъ этому большой вѣры. Наконецъ, 27 мая (здѣсь, какъ и въ другихъ мѣстахъ сочиненія, слѣдуетъ считать по новому стилю, русскіе же принимаютъ старый), въ 6 часовъ утра, когда менѣе всего помышляли объ этомъ, наступилъ пагубный для царя день. Въ 6 утра царь Димитрій Іоанновичъ былъ безчеловѣчно умерщвленъ и въ то же время было перебито, какъ полагаютъ, 1705 поляковъ, жилища которыхъ были отдалены другъ отъ друга. Главой заговорщиковъ былъ Василій Ивановичъ Шуйскій. Петръ Ѳедоровичъ Басмановъ былъ убитъ въ сѣняхъ предъ царскими покоями, принявъ первый ударъ отъ того самаго Татищева, которому недавно исходатайствовалъ свободу; погибли также нѣкоторые

стрѣлки изъ гвардіи. Царица, супруга Димитрія, ея отецъ, братъ, зять и всѣ, спасшіеся отъ ярости черни, были заключены, какъ плѣнники, въ отдѣльныхъ домахъ, Димитрія мертваго и нагого поволокли мимо монастыря его матери до народной площади, гдѣ Василій Шуйскій долженъ былъ сложить свою голову; тамъ положили трупъ его на столъ, длиною въ аршинъ, такъ что съ конца висѣла голова, а съ другого ноги, тѣло же Петра Басманова помѣстили подъ столомъ. Такъ они были предметомъ всеобщаго любопытства около трехъ дней, до избранія царемъ начальника заговора, Василія Ивановича Шуйскаго. Хотя это престолъ не избирательный, а наслѣдственный, но такъ какъ Димитрій былъ послѣднимъ въ родѣ и никого изъ царской крови не оставалось, то Шуйскій и былъ избранъ благодаря проискамъ и хитрости, подобно Борису Ѳедоровичу послѣ смерти Ѳедора. Шуйскій приказалъ зарыть Димитрія за городомъ подлѣ большой дороги. Въ первую ночь послѣ убійства насталъ жестокій морозъ, который продолжался 8 дней и повредилъ весь хлѣбъ, деревья и даже луговую траву. Въ виду того, что подобнаго бѣдствія еще не бывало, тѣло Димитрія, по челобитью приверженцевъ Шуйскаго, черезъ нѣсколько дней было вырыто изъ могилы, сожжено, а прахъ развѣянъ. Но со всѣхъ сторонъ раздавался ропотъ: одни плакали, другіе стонали, веселились немногіе, — это было по истинѣ превращеніе. Въ Совѣтѣ, въ народѣ, во всей странѣ начались Всѣхъ, получившихъ отъ покойнаго какую-либо раздоры и новыя измѣны. Области восстали и долго было неизвѣстно, чѣмъ это кончится. Польскаго посла держали въ тѣсномъ заключеніи.

милость, сослали. Наконецъ, царицу вдову Димитрія Іоанновича крѣпко стерегли въ домѣ воеводы, отца ея, вмѣстѣ съ придворными дамами и другими польками.

Желая прекратить волненіе умовъ и народный ропотъ, избранный Василій Шуйскій послалъ своего брата Димитрія, Михаила Татищева и другихъ изъ своихъ въ Угличъ, съ повелѣніемъ отрыть тѣло или кости истиннаго Димитрія, сына Іоанна Васильевича, убитаго, по ихъ мнѣнію, за семнадцать лѣтъ передъ этимъ въ томъ же Угличѣ; они нашли (по ихъ словамъ) тѣло невредимымъ, въ одеждѣ столь свѣжей и цѣлой, какъ въ день погребенія (въ Россіи обыкновенно хоронятъ въ томъ платьѣ, какое находилось на убитомъ), даже самые орѣхи оказались цѣлыми въ его рукѣ. Вынутое изъ могилы оно совершало, по ихъ словамъ, многія чудеса, какъ въ Угличѣ, такъ и по пути. При торжественномъ перенесеніи въ Москву его провожали патріархъ, духовенство, со всѣми мощами, царь Василій Шуйскій, царица, мать Димитрія, и все дворянство. По повелѣнію Василія Шуйскаго, онъ былъ канонизированъ. Но это не успокоило народа, и Василій дважды едва не былъ сверженъ съ престола, хотя 20 іюня былъ коронованъ.

Отославъ въ Польшу многихъ незначительныхъ поляковъ, особенно служителей, царь удержалъ въ Россіи главнѣйшихъ въ качествѣ плѣнниковъ, чтобы принудить поляковъ къ миру. Воеводу же Сандомирскаго, страдавшаго тяжкою болѣзнью, и дочь его, царицу, отправилъ въ Угличъ, приказавъ держать ихъ подъ стражей.

Погибшій царь Димитрій Іоанновичъ, сынъ царя Іоанна Васильевича, прозваннаго тираномъ, былъ лѣтъ около 25, совсѣмъ безбородый, роста средняго, крѣпкаго и сильнаго сложенія, цвѣтомъ смугловатый, съ бородавкою подлѣ носа подъ правымъ глазомъ; онъ былъ силенъ и очень уменъ; милостивъ, вспыльчивъ, но отходчивъ, благороденъ, любилъ почетъ и оказывалъ его. Онъ былъ честолюбивъ и мечталъ прославиться въ потомствѣ; въ концѣ августа 1606 года онъ рѣшилъ послать во Францію на англійскомъ кораблѣ своего секретаря, чтобы привѣтствовать христіаннѣйшаго короля и вступить съ нимъ въ знакомство: Димитрій часто разговаривалъ со мною о королѣ съ большимъ уваженіемъ. Христіанство много потеряло со смертью Димитрія, если только онъ умеръ, хотя смерть его кажется вполнѣ правдоподобной. Но я говорю такъ потому, что я не видалъ его мертваго своими собственными глазами, будучи тогда боленъ.

Черезъ нѣсколько дней послѣ мятежа, пронесся слухъ, что умертвили не Димитрія, а другого, на него похожаго, которому онъ, узнавъ за нѣсколько часовъ до разсвѣта о намѣреніи заговорщиковъ, велѣлъ занять свое мѣсто, а самъ скрылся изъ Москвы—не отъ страха (такъ я полагаю, если только это случилось), потому что онъ успѣлъ бы разрушить заговоръ,—но въ намѣреніи узнать, кто болѣе всѣхъ ему преданъ. Димитрій могъ прибѣгнуть къ столь опасному средству для открытія истинныхъ приверженцевъ, чтобы отклонить подозрѣніе о своей недовѣрчивости къ подданнымъ. Этотъ слухъ продолжался вплоть до моего отъѣзда изъ Россіи— 14 сентября 1606 года. Правда, я думалъ, что

это происки новыхъ заговорщиковъ съ цѣлью сдѣлать ненавистнымъ народу Василія Ивановича Шуйскаго, главу заговора и нынѣ царствующаго, и тѣмъ удобнѣе достигнуть своей цѣли. Я не могу теперь думать иначе, основываясь на вышеприведенномъ; чтобы удостовѣрить этотъ слухъ, русскіе расказываютъ, что едва миновала полночь, по повелѣнію царя Димитрія взяты были изъ малой дворцовой конюшни 3 коня турецкіе, которые впослѣдствіи неизвѣстно куда дѣвались: что тотъ, кто отпустилъ коней, былъ пытаемъ по приказанію Шуйскаго до смерти, чтобы сознался, какъ это было; что хозяинъ дома, гдѣ открылся Димитрій въ первый разъ по удаленіи изъ Москвы, разговаривалъ съ царемъ и даже принесъ собственноручное письмо его, въ которомъ онъ будто бы упрекалъ русскихъ въ неблагодарности, ибо они забыли его щедроты и милосердіе, и угрожалъ виновнымъ местью. Кромѣ того, на улицѣ находили многія записки и подметныя письма, и въ нихъ говорилось, что Димитрія узнали во многихъ мѣстахъ, гдѣ онъ бралъ почтовыхъ лошадей. Въ августѣ же мѣсяцѣ появились многія другія письма, свидѣтельствовавшія, что заговорщики обманулись и что Димитрій придетъ повидаться съ ними въ первый день Новаго года.

Скажу мимоходомъ, что разсказывалъ мнѣ французскій купецъ Бертранъ де-Кассанъ, вернувшійся съ площади, гдѣ лежалъ трупъ Димитрія: онъ говорилъ мнѣ, *что не думалъ, чтобы у Димитрія была борода, которой при жизни не замѣчали (Димитрій и не имѣлъ ея), но тѣло, лежавшее на площади, имѣло густую бороду, какъ можно было замѣтить, хотя она и была*

сбрита, да и волосы, казалось, были гораздо длиннѣе, чѣмъ у царя, котораго Кассанъ видѣлъ накануне его смерти. Сверхъ того, по свидѣтельству секретаря Димитрія, родомъ изъ Польши, Станислава Бучинскаго, былъ молодой русскій вельможа, весьма любимый и жалуемый Димитріемъ, съ которымъ онъ имѣлъ большое сходство, за исключеніемъ только небольшой бороды; этого вельможу, по словамъ русскихъ, нигдѣ не находили, и никто не зналъ, что съ нимъ сдѣлалось.

Еще мнѣ разсказывалъ одинъ французъ, поваръ воеводы Сандомирскаго, что царица, жена Димитрія, узнавъ о носившейся молвѣ, повѣрила, что онъ живъ и, убѣдившись въ этомъ, казалась съ тѣхъ поръ веселѣе прежняго.

Нѣсколько времени спустя по избраніи Шуйскаго возстали пять или шесть главныхъ городовъ на предѣлахъ Татаріи: мятежники схватили воеводъ и побили часть войска и гарнизоны; впрочемъ, еще до отъѣзда моего, въ іюлѣ мѣсяцѣ, раскаялись и получили изъ Москвы прощеніе, оправдавшись тѣмъ, что они были обмануты молвою о спасеніи царя Димитрія. Въ то же время въ Москвѣ былъ большой раздоръ среди знатныхъ, негодовавшихъ на избраніе Шуйскаго государемъ безъ ихъ согласія и утвержденія; Шуйскій едва не былъ низложенъ. Наконецъ, все успокоилось, и Шуйскій былъ коронованъ 20 іюня.

Послѣ вѣнчанія, опять возникли тайныя козни противъ этого царя, въ пользу (какъ я думаю) князя Ѳедора Ивановича Мстиславскаго, представителя самаго знатнаго русскаго рода, за котораго при избраніи подавали голоса, и если бы

представители страны были собраны, онъ былъ бы избранъ. Впрочемъ, онъ, какъ говорятъ, отказывался отъ короны и рѣшился постричься въ монахи, если на него падетъ выборъ. Мстиславскій былъ женатъ на двоюродной сестрѣ матери Димитрія, изъ рода Нагихъ: и потому весьма вѣроятно, что эти происки, какъ я думаю, исходили скорѣе со стороны родственниковъ его жены, нежели отъ него. Затѣмъ былъ обвиненъ знатный вельможа Петръ Никитичъ Шереметевъ, изъ рода Нагихъ, и заочно былъ осужденъ по извѣту свидѣтелей, какъ глава заговора: его сослали изъ города и, какъ я слышалъ, по дорогѣ отравили.

Въ то же время на воротахъ многихъ вельможъ и иностранцевъ ночью было написано, что царь Василій Шуйскій повелѣваетъ народу разграбить дома этихъ измѣнниковъ. Въ намѣреніи исполнить это собрались толпы черни, пріученной къ грабежамъ прежними перемѣнами и въ надеждѣ на добычу согласной, какъ я думаю, имѣть еженедѣльно новаго государя; ее съ трудомъ усмирили. Нѣсколько времени спустя, въ воскресный день, именемъ Шуйскаго, но безъ его вѣдома, на дворцовую площадь собрали народъ подъ предлогомъ, что царь желаетъ говорить съ нимъ. Случайно я находился подлѣ царя Шуйскаго, собиравшагося къ обѣднѣ: узнавъ, что народъ созванъ его именемъ, онъ весьма удивился и приказалъ изслѣдовать, кто созвалъ народъ; не трогаясь съ мѣста, окруженный многими, устремившимися со всѣхъ сторонъ, Шуйскій началъ плакать и, укоряя окружавшихъ въ непостоянствѣ, говорилъ, что имъ не нужно было пользоваться такими хитростями, если хо-

тятъ отъ него избавиться; что, избравъ его царемъ, имѣютъ власть низложить его, если онъ имъ неугоденъ, и что онъ не имѣетъ намѣренія этому сопротивляться. Потомъ, отдавъ имъ жезлъ, который носятъ только цари, и шапку, продолжалъ: «если такъ, выбирайте, кого хотите»; но тотчасъ снова взявъ жезлъ, сказалъ: «мнѣ уже надоѣли эти козни; то меня хотите умертвить, то вельможъ и самыхъ иноземцевъ, по крайней мѣрѣ думаете ограбить ихъ; если вы признаете меня царемъ, то я хочу, чтобы это не осталось безнаказаннымъ». Тогда всѣ окружающіе воскликнули, что они клялись ему въ вѣрности и повиновеніи, хотятъ всѣ умереть за него и что виновные должны быть наказаны.

Между тѣмъ, народу уже велѣно было разойтись по домамъ; при чемъ схвачены были пять человѣкъ, которые были виновниками этого созыва народа. Думаютъ, что если бы Шуйскій вышелъ изъ дворца, или вся чернь собралась бы на площади, онъ подвергся бы участи Димитрія. Спустя нѣсколько дней означенные пять человѣкъ были подвергнуты обычному наказанію кнутомъ всенародно, и сосланы. Въ приговорѣ было объявлено, что Мстиславскій, котораго обвиняли въ руководствѣ заговоромъ, невиновенъ и что вся вина падаетъ на вышеупомянутаго Петра Шереметева.

Василій Шуйскій вновь подвергался опасности во время перенесенія въ Москву тѣла истиннаго Димитрія, умерщвленнаго, какъ гласитъ молва, 17 лѣтъ назадъ; когда царь вмѣстѣ съ патріархомъ и духовенствомъ вышли навстрѣчу за городъ. Какъ говорятъ, Шуйскаго хотѣли побить

камнями, но бояре усмирили народъ прежде, чѣмъ собралась большая толпа.

Въ то же время открылся бунтъ въ княжествѣ Сѣверскомъ, уже присягнувшемъ, по словамъ русскихъ, Шуйскому; 7 или 8.000 человѣкъ взялись за оружіе, утверждая, что Димитрій живъ. Но такъ какъ мятежники не имѣли предводителей, то были разбиты войсками, посланными Василіемъ Шуйскимъ, въ числѣ 50 или 60.000 человѣкъ, между которыми находились и всѣ иноземцы: эти новости я узналъ въ Архангельскѣ. Избѣгнувшіе пораженія удалились въ Путивль, одинъ изъ главныхъ городовъ Сѣверской области. Говорятъ, что и этотъ городъ покорился и что виновниками возстанія были поляки, разсыпанные въ предѣлахъ Россіи и Подоліи: они распустили молву, что Димитрій живъ и находится въ Польшѣ. Вотъ все, что случилось до 14 сентября 1606 г., въ подтвержденіе молвы о мнимомъ спасеніи Димитрія.

Въ заключеніе выскажу свои соображенія въ отвѣтъ на мнѣніе тѣхъ людей, которые признаютъ Димитрія Іоанновича не сыномъ Іоанна Васильевича Мучителя, а обманщикомъ.

Ранѣе царствовавшій государь Борисъ Ѳедоровичъ, царь весьма тонкій и коварный, а также и другіе враги Димитрія говорили, что это былъ обманщикъ, а что истинный Димитрій Іоанновичъ умерщвленъ на 8 году въ Угличѣ, за 17 лѣтъ передъ этимъ, какъ объ этомъ говорилось выше. Этотъ же былъ разстрига, т.-е. монахъ, покинувшій свой монастырь, по имени Гришка, или Григорій Отрепьевъ.

Другіе же, считая себя болѣе проницательными, а также иноземцы, знавшіе Димитрія

зѣряютъ, что онъ былъ не русскій, а полякъ, трансильванецъ, или иной иноплеменникъ, избранный и подставленный на этотъ случай.

Я уже объяснилъ выше, для чего Борисъ Ѳедоровичъ, правившій государствомъ при царѣ Ѳеодорѣ Іоанновичѣ, сынѣ Іоанна Васильевича и братѣ Димитрія Іоанновича, сослалъ Димитрія, вмѣстѣ съ царицей-матерью въ Угличѣ. Изъ всего сочиненія можно заключить, что Ѳедоръ, по простотѣ своей, и по малолѣтству брата, опаснаго пятилѣтняго младенца, самъ и не думалъ удалять его: это было сдѣлано по проискамъ Бориса. Поэтому вполнѣ можно предположить, что мать и знатнѣйшіе бояре, напримѣръ, Нагіе, Романовы, видя замыслы Бориса, употребили всѣ средства къ избавленію младенца отъ грозившей опасности. Спасти же царевича они иначе не могли, какъ только подмѣнивъ его другимъ и воспитавъ тайно, пока не перемѣнятся времена или не разрушатся козни Бориса Ѳедоровича. Этой цѣли они достигли, какъ нельзя лучше: кромѣ вѣрныхъ соучастниковъ, никто не зналъ объ этомъ. Царевичъ воспитывался тайно; послѣ смерти брата своего Ѳедора, когда избрали царемъ Бориса, онъ, вѣроятно, удалился въ Польшу, вмѣстѣ съ разстригою, одѣвшись монахомъ, чтобы перейти русскую границу. Тамъ онъ поступилъ на службу къ польскому вельможѣ Вишневецкому, зятю воеводы Сандомірскаго: наконецъ перешелъ на службу къ этому послѣднему и открылся ему. Воевода представилъ его польскому двору, гдѣ онъ получилъ небольшую помощь. Все это можетъ служить отвѣтомъ и свидѣтельствомъ, что въ Угличѣ умерщвленъ не царевичъ, а занявшій его мѣсто.

Что касается до названія «разстрига», то дѣ[ло] заключается въ слѣдующемъ: вскорѣ по воц[ца]реніи Бориса Ѳедоровича, одинъ монахъ, нѣког[да] секретарь патріарха, именемъ Гришка Отреп[ь]евъ, котораго Борисъ называлъ разстригою, б[ѣ]жалъ въ Польшу. Съ этого времени и до само[й] своей смерти Борисъ сталъ подозрителенъ и д[о]искивался правды. Но въ монашескомъ плать[ѣ], какъ я знаю за достовѣрное, убѣжали двое: ра[з]стрига и другой человѣкъ—до сихъ поръ безы[]мянный. Царь Борисъ разослалъ гонцовъ [по] всѣмъ предѣламъ государства съ повелѣніе[мъ] стеречь всѣ дороги и задерживать всякаго, даж[е] съ пропускнымъ видомъ, объявивъ, что два госу[]дарственные преступника намѣрены бѣжать [въ] Польшу. На всѣхъ путяхъ къ границѣ устано[в]лены были заставы, какъ во времена морово[й] язвы,—и три или четыре мѣсяца никто не мог[ъ] ѣздить изъ одного города въ другой.

Кромѣ этого, дознано и доказано, что разстриг[ѣ] было отъ 35 до 38 лѣтъ; Димитрій же вступил[ъ] въ Россію 23 или 24-лѣтнимъ юношею и при[]велъ съ собою разстригу, котораго всякій мог[ъ] видѣть: братья его живы и теперь, и имѣют[ъ] земли близъ Галича. Этотъ разстрига, до побѣг[а] изъ Россіи, слылъ наглецомъ и пьяницей, за чт[о] Димитрій и удалилъ его за 230 верстъ отъ сто[]лицы въ Ярославль. Тамъ находился домъ Ан[]глійской Компаніи; одинъ изъ жившихъ въ этом[ъ] домѣ въ то время, когда умертвили Димитрія, разсказывалъ мнѣ, что разстрига, услышавъ [о] смерти царя и восшествіи Шуйскаго на пре[]столъ, признавалъ Димитрія истиннымъ сыном[ъ] Іоанна, котораго онъ вывелъ изъ Россіи; божил[]ся, клялся въ вѣрности словъ своихъ, называл[ъ]

ія Гришкою Отрепьевымъ, разстригою, и гово-
ілъ, что никто не можетъ этого опровергнуть.
этъ собственное признаніе Отрепьева, и по мно-
е изъ русскихъ думаютъ иначе. Нѣсколько вре-
ени спустя Василій Шуйскій, возведенный на
арство, приказалъ его изловить; что же съ нимъ
ѣлалось послѣ, я не знаю. Этого довольно для
твѣта на первое возраженіе.

Разсмотримъ второе: многіе иноземцы, счи-
ая Димитрія полякомъ, или трансильванцемъ,
ѣшившимся на обманъ или самъ собою, или
бращный для этого другими людьми, въ дока-
ательство своего мнѣнія приводятъ то, что онъ
оворилъ по-русски неправильно, осмѣивалъ рус-
кіе обычаи, соблюдалъ русскую вѣру только для
ида, и другіе подобные доводы: однимъ словомъ,
оворятъ они, всѣ пріемы и поступки обличали
ъ немъ поляка.

Но если онъ былъ полякъ, нарочно подгото-
ленный для сверженія Бориса, то слѣдовало бы
аконецъ узнать, кѣмъ онъ былъ подготовленъ.
ри томъ, для этой цѣли, думается мнѣ, нельзя
ыло брать какого-нибудь проходимца; замѣчу
имоходомъ, что изъ 500 человѣкъ не сыщется
и одного способнаго совершить то, что предпри-
ялъ Димитрій, которому было 23 года. Кромѣ
ого, чего могли добиваться заговорщики, когда
оссія не сомнѣвалась въ убіеніи царевича,
огда Борисъ Ѳедоровичъ царствовалъ счастли-
ѣе всѣхъ своихъ предшественниковъ, уважае-
ый народомъ, страшный для всякаго, когда мать
имитрія и многіе изъ родственниковъ ея могли
асвидѣтельствовать истину? Вѣроятно ли, что-
ы это было съ согласія короля польскаго и сей-
а? А подданные безъ вѣдома короля, конечно.

не рѣшились бы на столь важное дѣло, кот
въ случаѣ неудачи, навлекло бы продолжит
ную и бѣдственную войну на государство.
если это было, то война не началась бы
4,000 человѣкъ, а король послалъ бы съ
какихъ-нибудь совѣтниковъ, знатныхъ
можъ, для руководства во время войны, и
далъ бы его деньгами. Тогда, вѣроятно, боль
ство поляковъ не оставило бы Димитрія, от
пившаго отъ Новгорода Сѣверскаго, тѣмъ бо
что онъ еще имѣлъ въ своихъ рукахъ до 15
родовъ и крѣпостей, и армія его ежедневно
ливалась. Говорить же, что все это предпри
самъ собою обманщикъ, котрый, имѣя не б
21 года, выучился для этой цѣли русскому
ку, даже чтенію и письму,—есть мнѣніе
лѣпое. Кромѣ того, самозванецъ на всѣ вопр
безъ сомнѣнія предложенные при первомъ
появленіи, долженъ былъ отвѣтить умно
складно. Гдѣ же онъ могъ научиться? Россія
такая свободная страна, куда всякій мож
приходить учиться языку, вывѣдывать то
другое и затѣмъ удаляться: въ этомъ госуд
ствѣ, почти недоступномъ, все дѣлается съ
кой тайной, что весьма трудно узнать исти
если не видишь ее собственными глазами.
потому мнѣ кажется невѣроятнымъ, чтобы
мозванецъ могъ исполнить свой замыселъ б
помощи другихъ. Если же онъ имѣлъ соучаст
ковъ, то они должны были обнаруживаться
при его жизни, или послѣ смерти. Наконе
если бы онъ былъ полякомъ, то онъ поступа
бы иначе съ своими единоплеменниками; да
самъ воевода Сандомирскій не поспѣшилъ
дать ему какого либо обѣщанія, не узнавши

точности, кто онъ. Говорить, что воевода не зналъ, кто онъ былъ,—совершенно невѣроятно, какъ мы увидимъ впослѣдствіи.

Что же касается до тѣхъ, которые говорятъ, что онъ воспитанъ и приготовленъ іезуитами, то гдѣ же его отечество? Доказано выше, что онъ не могъ родиться въ Польшѣ и тѣмъ менѣе въ какой-либо другой странѣ, кромѣ Россіи. Если же признать его русскимъ, то надобно узнать, гдѣ взяли его іезуиты, такъ какъ до воцаренія Димитрія никогда въ Россіи не видно было іезуитовъ; немногіе изъ нихъ пріѣзжаютъ съ послами, но за ними такъ строго слѣдятъ, что имъ невозможно увезти какого-нибудь младенца изъ Россіи. Іезуиты имѣли средство похитить ребенка только въ то время, когда Баторій, лѣтъ 30 тому назадъ, воевалъ съ Россіей, или когда была война Россіи со шведами; однако возможно ли, чтобы въ Россіи не осталось совсѣмъ родственниковъ увезеннаго? Да и нельзя было, думаю я, воспитывать его столь тайно, чтобы никто изъ поляковъ и, наконецъ, воевода Сандомирскій не открыли обмана. По крайней мѣрѣ, Димитрій не могъ не знать своего происхожденія. Если же онъ воспитывался у іезуитовъ, то, безъ сомнѣнія, долженъ былъ говорить, читать и писать по-латыни. Но совершенно вѣрно, и я могу это свидѣтельствовать, что Димитрій не умѣлъ говорить по-латыни, и еще менѣе читать или писать. Это я могу доказать подписью имени его, весьма нетвердою. Кромѣ того, онъ оказалъ бы тогда іезуитамъ гораздо болѣе милости: въ Россію явилось бы ихъ не трое—и то съ польскими войсками, не имѣвшими духовныхъ лицъ. Одинъ изъ нихъ,

послѣ царскаго вѣнчанія, отправился въ Римъ, по просьбѣ остальныхъ двухъ.

Возражаютъ еще: Димитрій не чисто объяснялся по-русски. Отвѣчу на это, что я слышалъ, какъ онъ разговаривалъ на рускомъ языкѣ вскорѣ по прибытіи въ Россію, и нахожу, что онъ говорилъ по-русски какъ нельзя лучше: только для прикрасы онъ примѣшивалъ иногда польскія фразы. Я видалъ разнообразныя письма, продиктованныя Димитріемъ еще до его прихода въ Москву; они были, несомнѣнно, хороши, ни одинъ руской не могъ найти въ нихъ ошибокъ. Что же касается до недостатковъ въ произношеніи нѣкоторыхъ словъ, то этого весьма недостаточно для отрицательныхъ выводовъ, если принять во вниманіе долгое, съ ранняго дѣтства отсутствіе изъ отечества.

Свидѣтельствуютъ также, что онъ осмѣивалъ русскіе обычаи и только для вида наблюдалъ обряды религіи. Надо ли этому удивляться? Особенно, когда мы знаемъ обычаи и нравы русскихъ. Они грубы и необразованы, невоспитаны, лукавы, вѣроломны, не уважаютъ ни законовъ, ни совѣсти, заражены развратомъ содомскимъ и множествомъ другихъ пороковъ и постыдныхъ страстей. Если Борисъ Ѳеодоровичъ, въ происхожденіи котораго никто не будетъ сомнѣваться, ненавидѣлъ не столько ихъ, сколько ихъ пороки, и произвелъ нѣкоторыя преобразованія въ обычаяхъ, то могъ ли Димитрій, знавшій отчасти большой свѣтъ, жившій нѣсколько времени въ Польшѣ, странѣ свободной, среди знатныхъ вельможъ, не желать, по крайней мѣрѣ, просвѣщенія и образованности своему народу.

Говорятъ, что онъ не строго соблюдалъ рели-

ческие обряды; но я знаю многихъ русскихъ, такъ же поступавшихъ, между прочимъ, Посникова Димитрія, который былъ въ Даніи посланникомъ Бориса Θедоровича и, узнавъ тамъ отчасти истинную религію, по своемъ возвращеніи открыто смѣялся въ кругу пріятелей надъ невѣжествомъ москвичей. Почему же Димитрій не могъ презирать народнаго суевѣрія, тѣмъ паче, что онъ обладалъ здравымъ смысломъ, любилъ читать св. Писаніе и, будучи въ Польшѣ, вѣроятно слыхалъ сужденія о разныхъ вѣроисповѣданіяхъ, вразумившія его въ догматахъ религіи, принятыхъ всѣми христіанами. Впрочемъ, я возражаю только на слова; а въ самомъ дѣлѣ найдется весьма немного обвинителей, какъ изъ иноземцевъ, такъ и изъ русскихъ, которые замѣтили бы въ поступкахъ его достаточный поводъ къ такому обвиненію; онъ соблюдалъ вообще всѣ обряды русской церкви, хотя и рѣшился, какъ я знаю, основать университетъ. Наконецъ, если бы онъ былъ полякомъ, то не дѣлалъ бы непріятнаго никому изъ своихъ. И русскіе, какъ Борисъ, или царь Василій Шуйскій, не упустили бы изъ рукъ своихъ столь завиднаго скипетра, если бы съ достовѣрностью могли доказать, что Димитрій былъ иноплеменникъ.

Нѣкоторые изъ русскихъ говорятъ: кто бы ни былъ Димитрій, но воевода Сандомирскій не зналъ его истиннаго происхожденія. Если это справедливо и если онъ дѣйствительно былъ не истинный Димитрій, то вѣроятно ли, чтобы воевода Сандомирскій столь поспѣшно вступилъ съ нимъ въ родство, уже узнавъ объ измѣнѣ Шуйскаго, уличеннаго вскорѣ по прибытіи въ Мо-

скву. Кромѣ того, рѣшившись породниться с нимъ, воевода, безъ сомнѣнія, посовѣтовалъ б ему не распускать пришедшихъ съ нимъ полковъ и казаковъ, которыхъ Димитрій могъ б удержать при себѣ, не возбудивъ подозрѣній так какъ всѣ предшественники его старались привлечь въ свою службу какъ можно больш иностранцевъ. Но этого не было сдѣлано: царь распустилъ всѣхъ, оставивъ при себѣ только сотню всадниковъ. Точно также я полагаю, что воевода привелъ бы гораздо болѣе войска с царицею, своею дочерью, чего онъ не сдѣлалъ, и нашелъ бы средства держать поляковъ въ одномъ мѣстѣ, а не разсѣлять ихъ въ отдаленныхъ мѣстахъ столицы — на произволъ русскихъ. При томъ же, по совершеніи брака, когда уже говорили объ измѣнѣ, онъ заставилъ бы Димитрія совѣтами, просьбами, убѣжденіями принять мѣры предосторожности, которыми все легко можно было предупредить.

Для очевиднаго доказательства, что Димитрій не сынъ Іоанна Васильевича, противники его, столь дѣятельные[1] при жизни его и по смерти, должны были бы открыть его истинныхъ родителей, чего при извѣстномъ въ Россіи порядкѣ суда и расправы легко добиться. Чувствуя себя виновнымъ, Димитрій старался бы всѣми средствами понравиться Россіи, хорошо зная, что Борисъ ничѣмъ не могъ такъ поддержать себя на престолѣ, какъ называя его еретикомъ. Поэтому онъ не позволилъ бы войти въ Москву ни одному изъ іезуитовъ и связалъ бы себя родствомъ, по обычаю всѣхъ предшественниковъ своихъ, съ какимъ-нибудь русскимъ домомъ, въ которомъ могъ бы найти опору, помня, что Борисъ на-

влекъ на себя негодованіе народа намѣреніемъ породниться съ иноземнымъ государемъ. Но Димитрій презиралъ эти средства, и по этой самоувѣренности мы можемъ видѣть, что онъ могъ быть сыномъ только великаго государя; его краснорѣчіе восхищало русскихъ; въ немъ блистало какое-то неизъяснимое величіе, до сихъ поръ неизвѣстное русскимъ вельможамъ и тѣмъ менѣе простому народу, къ которому должны были принадлежать его родители, если онъ не былъ сыномъ Іоанна Васильевича. Самая попытка его доказываетъ вѣру въ правоту дѣла: съ ничтожными силами онъ идетъ въ обширную державу, какъ никогда процвѣтавшую, управляемую государемъ хитрымъ, грознымъ для подданныхъ, находившимся въ родствѣ съ главнѣйшими русскими семьями, изгнавшимъ и умертвившимъ всѣхъ людей подозрительныхъ, пользовавшимся расположеніемъ всего духовенства, милостями и благодѣяніями привлекавшимъ сердца народа, находившимся въ дружбѣ со всѣми сосѣдями и 8 или 9 лѣтъ мирно царствовавшимъ. Наконецъ, нельзя не обратить вниманія и на мать Димитрія, и многихъ его родственниковъ, которые, если бы это было не такъ, могли бы выступить съ протестомъ.

Затѣмъ, когда мы разсматриваемъ положеніе Димитрія, покинутаго большинствомъ Поляковъ,—то чему приписать можемъ увѣренность, съ которой предался онъ въ руки Русскихъ, въ преданности которыхъ онъ еще не удостовѣрился, и рѣшеніе итти навстрѣчу стотысячному войску съ 8 или 9000 человѣкъ, въ массѣ крестьянъ. Когда сраженіе было потеряно, слабыя силы его разсѣяны, немногія пушки со

всѣми снарядами въ рукахъ непріятеля, онъ отступаетъ, окруженный 30 или 50 воинами, въ городъ Рыльскъ, незадолго передъ этимъ покорившійся, въ приверженности котораго онъ не былъ увѣренъ; оттуда—въ Путивль, городъ обширный и богатый—и живетъ тамъ съ января по май мѣсяцъ, попрежнему, нисколько не страшась враговъ, хотя Борисъ и явно, и тайно старался всѣми силами убить его, отравить или плѣнить. Увѣряя народъ ложными свидѣтельствами, что Димитрій обманщикъ, Борисъ не хотѣлъ, однако, допросить его мать всенародно, чтобы она выяснила, кто онъ, но вмѣсто того сталъ говорить, что если бы онъ былъ истинный сынъ Іоанна Васильевича, то и тогда не имѣлъ бы правъ, какъ незаконнорожденный, т. е. сынъ отъ седьмой жены (что противно обычаю) и какъ еретикъ; но это вовсе не могло служить доводомъ противъ него.

Затѣмъ скажемъ также объ его милосердіи къ каждому, по вступленіи въ Москву, и особенно къ Василію Шуйскому, котораго уличили въ измѣнѣ; доказано самыми лѣтописями и поступками его по отношенію къ Борису, что ни Василій Шуйскій, ни его домъ никогда не были вѣрными слугами русскихъ государей.

Даже всѣ приближенные убѣждали Димитрія казнить Шуйскаго, какъ постояннаго нарушителя общественнаго спокойствія,—говорю, что видѣлъ своими глазами и что слышалъ своими ушами.—Но Димитрій его помиловалъ, хотя хорошо зналъ, что никто, кромѣ рода Шуйскихъ, не осмѣливался помышлять о коронѣ. Онъ простилъ и многихъ другихъ, такъ какъ былъ не подозрителенъ.

Если онъ былъ Самозванецъ, какъ говорятъ, а если эта истина стала извѣстна незадолго до его убійства, то отчего онъ не былъ заключенъ въ темницу, или выведенъ на площадь, гдѣ его могли бы уличить въ обманѣ передъ всѣмъ народомъ вмѣсто того, чтобы убивать безъ отвѣта и подвергать государство разрухѣ, во время которой многіе лишились жизни. Могла ли страна повѣрить его преступленію безъ другихъ доказательствъ, кромѣ свидѣтельства 4 или 5 человѣкъ—главныхъ заговорщиковъ. И для чего Василій Шуйскій съ единомышленниками задумалъ клевету, чтобы сдѣлать Димитрія ненавистнымъ народу. Вѣдь они публично огласили письма, въ которыхъ было сказано, что Димитрій хотѣлъ большую часть Россіи отдать королю Польскому и тестю своему, воеводѣ Сандомирскому, что онъ хотѣлъ раздѣлить государство, что онъ отправилъ сокровища въ Польшу, что онъ намѣренъ былъ на слѣдующій день (т. е. въ воскресенье) вывести весь народъ и дворянство за городъ, подъ предлогомъ повеселить своего тестя и показать ему свои пушки, а въ самомъ дѣлѣ приказалъ Полякамъ истребить всѣхъ картечью, разграбить ихъ дома и зажечь городъ: что онъ и въ Смоленскъ послалъ подобное же приказаніе. Распространяли безъ конца и другіе ложные слухи. Къ этому присоединили, какъ выше сказано, что тѣло летняго Димитрія, убитаго 17 лѣтъ назадъ въ возрастѣ 8 лѣтъ, найдено въ совершенной цѣлости: почему, по приказанію Шуйскаго, убіенный Димитрій былъ признанъ Святымъ. Все это было сдѣлано, чтобы убѣдить народъ.

Въ заключеніе скажу: если бы Димитрій былъ

обманщикъ, то простая истина, изложенная удовлетворительно, могла бы сдѣлать его ненавистнымъ каждому; Димитрій же, если бы чувствовалъ себя виновнымъ, то вѣрилъ бы доносамъ о заговорахъ и измѣнахъ противъ его особы замышляемыхъ, и весьма легко успѣлъ бы устранить ихъ, но, какъ извѣстно, ни при жизни, ни по смерти его не могли доказать обмана; Борисъ, повѣдавъ о появленіи своего врага, терзался совѣстью и тиранствовалъ. Противники Димитрія думаютъ весьма несогласно о его происхожденіи, а самъ онъ проявлялъ всегда рѣшительность и другія качества, свойственныя не обманщику и узурпатору, а государю. Это соединено было у Димитрія съ довѣріемъ и отсутствіемъ подозрительности.—И я заключаю, что онъ былъ истинный Димитрій, сынъ царя Іоанна Васильевича, прозваннаго Тираномъ.

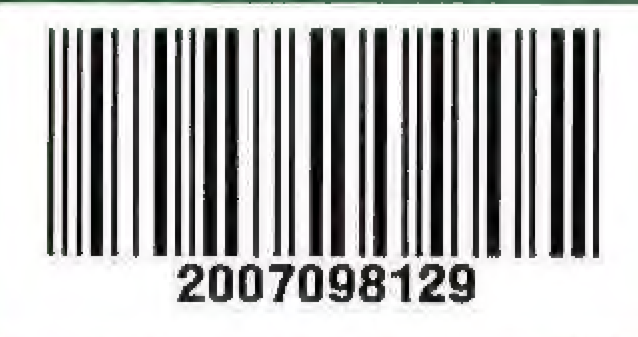
Универсальная библіотека—Цѣна номера 10 коп.

701. **Уайльдъ.** Герцогиня Падуанская.
702-705. **Флоберъ.** Мадамъ Бовари.
706. **Раффи.** Джалаледдинъ.
707. **Реймонтъ.** Изъ дневника.
708-711. **Диккенсъ.** Давидъ Копперфильдъ. Томъ I.
712. **Агаронянъ.** Матери и др. разск.
713. **Мопассанъ.** Пышка и др. разск.
714. **Крагъ.** Стефанъ Іернъ. Собака.
715-716. **Деларю-Мардрюсъ.** Изступленная.
717. **Мопассанъ.** Нездѣшній и др.
718-721. **Диккенсъ.** Давидъ Копперфильдъ. Томъ II.
722. **Катюллъ Мендесъ.** Лесбія и др.
723. **Верга.** Исторія одной малиновки.
724-727. **Вассерманъ.** Исторія юной Ренаты Фуксъ.
728. **Мопассанъ.** Иветта.
729-731. **Дюма-сынъ.** Дама съ камеліями.
732. **Михаэлисъ.** Опасный возрастъ.
733-734. **Шиллеръ.** Разбойники.
735. **Мольеръ.** Скупой.
736-737 **Лоти.** Исландскій рыбакъ.
738. **Меллъ.** Разсказъ о рабѣ-евреѣ.
739-742. **Диккенсъ.** Давидъ Копперфильдъ. Томъ III.
743. **Мопассанъ.** Домъ Телье и др.
744-747. **Бласко Ибаньесъ.** Мертвые повелѣваютъ.
748. **Верлэнъ.** Избранныя стихотворенія.
749-750. **Ожешко.** Меиръ Эзофовичъ. Часть I.
751-752. **Ожешко.** Меиръ Эзофовичъ. Часть II.
753. **Диккенсъ.** Рождественская пѣснь въ прозѣ.
754-757. **Реймонтъ.** Мужики IV. (Лѣто).
758. **Диккенсъ.** Колокола.
759-761. **Лагерлефъ.** Домъ Лиліекроны.
762. **Михаэлисъ.** Эльзи Линдтнеръ.
763. **Мопассанъ.** Лунный свѣтъ и др.
764-766. **Пшибышевскій.** Сумерки.
767. **Кастельнуово.** Рыцари непорочной и др.
768-769. **Андрэ.** Мужскія письма.
770. **Байронъ.** Сарданапалъ.
771-773. **С. Михаэлисъ.** „1812“. Вѣчный сонъ.
774. **Мопассанъ.** Напрасная красота и др. разсказы.
775-780. **Г. Манъ.** Охота за любовью.
781. **Мопассанъ.** Оливковый садъ и др. разсказы.
782-783. **Гейерстамъ.** Власть женщины.
784-785. **Ренье.** Необычайные любовники. Разсказы тринадцати.
786. **Джэкъ Лондонъ.** Лунный ликъ и др. разсказы.
787-789. **Бальзакъ.** Тридцатилѣтняя женщина.
790. **Джэкъ Лондонъ.** Богъ его отцовъ и др. разсказы.
791-793. **Тетмайеръ.** Яносикъ Нендза Литмановскій.
794. **Бальзакъ.** Любовь подъ маской.
795-798. **Стриндбергъ.** Исповѣдь безумца.
799. **Гартлебенъ.** Гостепріимный пасторъ.
800-801. **Ибсенъ.** Перъ Гюнтъ.
802-805. **Флоберъ.** Саламбо.
806. **Джэкъ Лондонъ.** Любовь къ жизни и др. разсказы.
807-809. **Майнъ-Ридъ.** Ползуны по скаламъ.
810-811. **Мопассанъ.** Сказки дня и ночи.
813-815. **Г. Бэнгъ.** Михаэль.
816. **Джэкъ Лондонъ.** Когда боги смѣются и др. разсказы.
817-818. **Р. Киплингъ.** Смѣлые моряки.
819. **Уйда.** Степь.
820-821. **А. Франсъ.** Подъ придорожнымъ вязомъ.
822. **Джэкъ Лондонъ.** Сила женщины и др. разсказы.
823-824. **Шатобріанъ.** Атала. Ренэ.
825. **Джэкъ Лондонъ.** Послѣдняя борьба и др. разсказы.
826-828. **Мопассанъ.** Наше сердце.
829. **Уэллсъ.** Страна слѣпыхъ и др. разск.
830. **Янъ Порукъ.** Бѣлая одежда и др. разсказы.

Подробный каталогъ высылается безплатно.

Заказы не менѣе, чѣмъ на полтора рубля, исполняются Главной Конторой (Москва, Козицкій п., № 2) наложенн. платежомъ.

Типографія Русскаго Товарищества, Москва.

2007098129